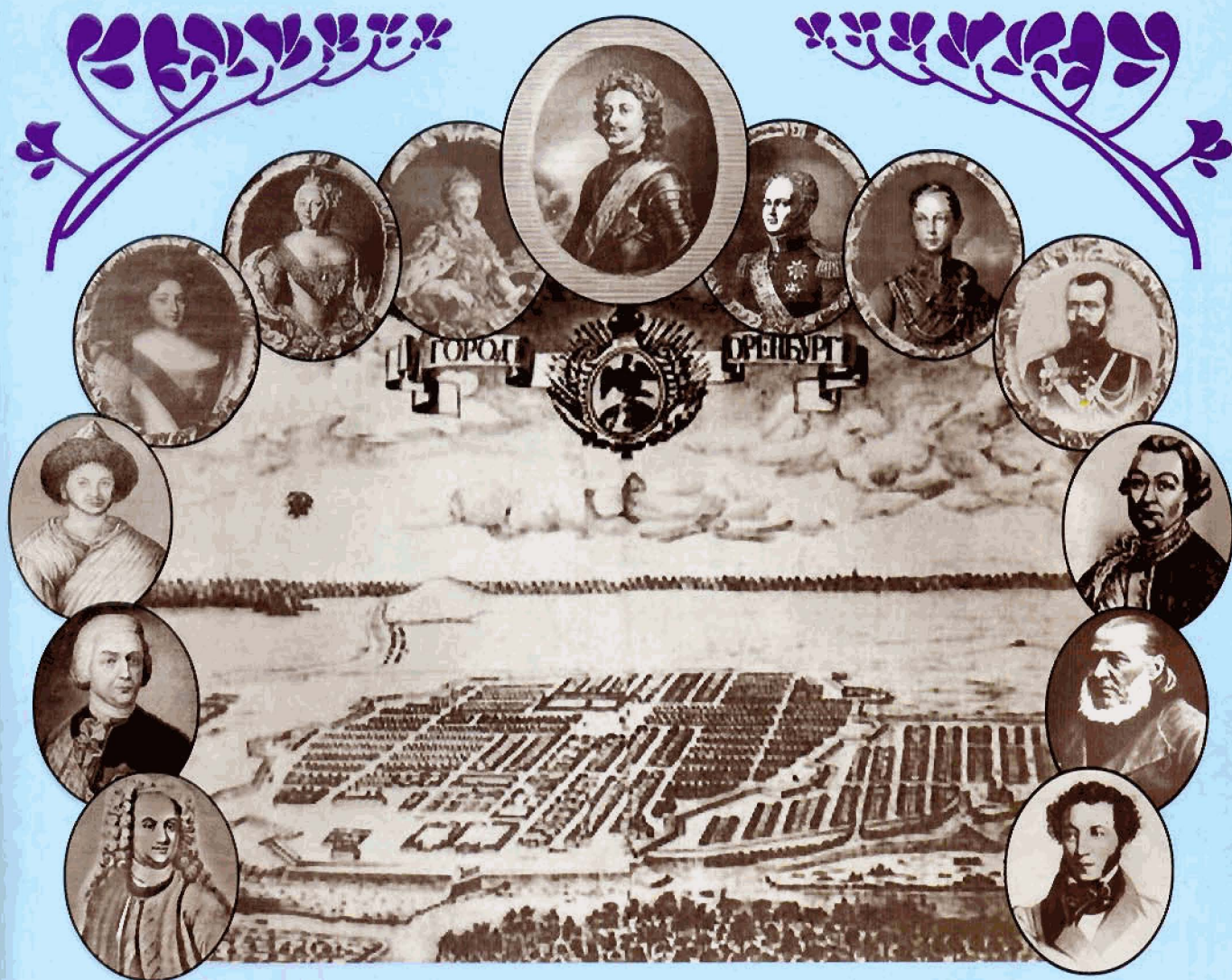

для тех, кто любит свой край

ОРЕНБУРГСКАЯ СТАРИНА

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК

2

2006

*«...Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу
вокруг себя; ...но клянусь честью, что ни за что
на свете я не хотел бы переменить отечество,
или иметь другую историю, кроме истории
наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».*

А. Пушкин

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК
«ОРЕНБУРГСКАЯ
СТАРИНА»
2006
№2

Учредители:
ТК «Славянский базар»,
Областной центр детско-юношеского
туризма и краеведения

Генеральный директор
Ю.П. Бельков

Научный консультант
Д.А. Сафонов, д. и. н.

Редакционная коллегия:
С.Е. Сорокина (редактор-составитель)
И.А. Калугина (корректор)
С.Е. Пляксин (верстка)
Ю.Б. Елатонцев (набор)

Номер подготовлен:
ТК «Славянский базар»,
460000, г. Оренбург,
пр. Братьев Коростылевых, 1
тел. 35-42-09, 94-88-16.
Обложка отпечатана
в ООО «Принт-Сервис»
тел. (3532) 77-24-71

Оренбург
Будущему
сво. второму
19.07.06 г.
Оренбург

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	2
В начале дел великих	
С. Сорокина. Верный отечеству слуга. (А. И. Тевкелев).....	3
Оренбургский край в законах Российской империи	
Инструкция Тевкелеву, отправляемому в орду.....	7
Караванная дорога	
В. Водопьянов. Неудавшееся посольство в Бухару.....	10
Казачий пикет	
П. Авдеев. Историческая записка об Оренбургском казачьем войске. (Продолжение).....	16
К истории поселений	
Илецкая защита 30 января 1844 года.....	22
Приход поселка Перовский.....	23
Да ведают потомки православных	
Ивлентьев. Храм Св. Троицы в Бузулуке.....	24
Об освящении церкви в Тоцкой крепости.....	25
Галерея	
«Истинный и симпатичный талант». (А. Чернышев).....	26
Наша пушкиниана	
Н. Кайдалов. Воспоминания о Пушкине.....	28
В мире мыслей гения.....	29
Оренбургский Парнас	
С. Сорокина. Таплинские сочинители.....	30
Дворянские гнезда	
Ивлентьев. Село Державино, Смоленское тож.....	36
Историческая смесь	
П. Юдин. Царский подарок.....	40
Ельцын в киргизском плену.....	42
Сужденья черпаем из забытых газет	
Городская хроника.....	43
Губернские вести.....	44
Русская жизнь.....	44
Иностранные известия.....	45
Всякая всячина.....	45
Письма. Дневники. Записки. Воспоминания	
Н.Г. Залесов. «Записки». (Продолжение).....	46
Вести ОЦДЮТурК.....	52
Славянский базар	
Усадьба вчера, сегодня и завтра.....	54
Благотворитель и благотворительность.....	64

У

От редакции

важение к прошлому. Уважение к предкам. Уважение к своей истории.

Великий русский поэт и мыслитель, Александр Сергеевич Пушкин, неоднократно обращал свое внимание на значимость, важность для духовного здоровья народа чувства уважения к своим корням, к своему прошлому. Запечатлено немало его сильных выражений об этой необходимейшей национальной черте, на страшные последствия для народа, утратившего в своей массе чувство родства со своими предками. Кого оставят равнодушными суровые афоризмы русского гения: «Уважение к прошлому – вот черта, которая отделяет образованность от дикости» или «Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим»?! Еще более грозное предупреждение для соотечественников прозвучало из уст друга Пушкина, поэта Петра Вяземского, некогда так выразившего мысль, глубоко ужаснувшую его самого: «Горе народу, не почитающему старины своей».

Содержание сборника «Оренбургская старина» ориентировано на публикацию материалов, разносторонне освещающих прошлое нашего края XVIII–XX веков, т.е. от его возникновения до Гражданской войны, освещение всего того, что составляло основу традиционного уклада жизни наших предков, и исторических событий, вторгавшихся в их повседневность. Рубрики, обозначенные в содержании первого номера сборника, будут постоянными. Источником для статей, отражающих тематику рубрик, послужат извлечения из различных архивных фондов (местного и центральных) и старинных периодических изданий (газет и журналов), ныне также ставших ценнейшими и малодоступными историческими документами.

Уже инициатор издания первого информационного органа края оренбургский военный губернатор Павел Петрович Сухтелен, разрабатывая в 1832 году программу первой газеты – «Оренбургские периодические записки» – главное внимание (после официальных указа-

зов и распоряжений, разумеется) уделит краеведческим материалам, считая изучение истории Оренбуржья делом необходимым, тем более для края, представляющего «изобильный источник для исследований ученых, политических и нравственных по разнообразному народонаселению, по заключающимся в недрах земли и на поверхности богатствам, по преданиям и достопамятным событиям прежних времен, по связям с соседними азиатскими народами и знатной торговле». С легкой руки П.П. Сухтелена, позднее горячо поддержанного в этом стремлении губернатором Крыжановским, краеведческие темы постоянно развивались на страницах всех последующих оренбургских периодических изданий.

Статьи историко-краеведческого сборника «Оренбургская старина» представляются, как увидит читатель, и в современном изложении, и в виде первоисточника: В последнем случае редакция приводит текст в соответствии с правилами современного правописания, оставляя сам слог оригинала неизменным, чтобы читатель через архаичное слово, манеру речи мог полнее почувствовать дух и суть «старины глубокой». Кроме того, подача статей в оригинале дает возможность читателю самому оценивать события, без вольного или невольного навязывания мнения, выводов в случае пересказа статьи, так как ни одно, даже самое искусное, переложение не свободно от субъективности, иногда уводящей далеко от первоначальной истины. В некоторых случаях текст старинных документов будут представлены в «первобытном» своем виде также ради этой цели – не лишить их примет, свойственных теперь уже далекому от нас времени. Ко всем статьям указывается источник заимствования и имя автора, тексты же составителя даются без подписи.

Редакция надеется на благосклонное внимание читателей к скромному начинанию, имеющему своей целью посылить «уважение к прошлому» родного края, уважение к трудам и заботам своих предков, к своим родовым корням.

Верный отечеству слуга

Алексей Иванович Тевкелев. Человек не только причастный непосредственно к началу оренбургской истории, но сам – активный ее творец. «Сильный администратор, незаурядный дипломат», так же как «птенец гнезда Петрова» Бекович-Черкасский (см. «Оренбургская старина», № 1), он был преданным исполнителем планов Петра Великого на юго-востоке Российской империи.

Предки Тевкелева – выходцы из орды. Род их восходит к Уразмухаммед хану, правителю Касимовского ханства. Русский вариант его имени не означает, что Алексей Иванович переменял веру – до конца своей жизни мурза Тевкелев придерживался «магометанскому закону». Однако мусульманское вероисповедание не мешало ему, по клятве предков, быть неизменно ревностным поборником высших государственных интересов России. Имя его писалось по-разному: Маметя (Кутлу-Мухаммед, Кутлутмухаммед, Кутлу Махаммет) Мамешев сын Тевкелев. Отец и дед Мамети – «кормовые поместные иноземцы» – имели поместья помимо Касимовского, в Керенском и Владимирском уездах.

Мурза Кутлу-Мухаммед Тевкелев родился в 1085 год хиджры, т.е. в 1675 году от Р.Х. Долгая жизнь выученика Петра Великого была насыщена трудами, непосильными заурядному человеку. Служба его, как и многих других представителей его рода, «прошла в дипломатическом ведомстве России – Коллегии иностранных дел»¹. Он знал татарский, турецкий, персидский, калмыцкий языки и, само собой, разумеется, был грамотен в арабском письме. Уже во время Прутского похода 1711 года Петр I заметил, что переводчик ориентальных, т.е. восточных языков, мурза Тевкелев – «человек надежный».

Интересно то, что Тевкелев участвовал в печально известной, трагической «экспедиции Бековича» в Хиву по поиску торговых путей в Индию. Отряд Черкасского, в котором был и Тевкелев, уже двигался по азиатским пескам от

Гурьева городка к Хиве (1717 г.), когда начальника экспедиции догнал указ царя отправить послом в Индию морем через Персию надежного человека, знающего восточные языки. Для выполнения царского повеления, «усложнившегося и изменившего маршрут посланцев в Индию» князь выбрал Тевкелева. Алексею Ивановичу надлежало собрать как можно больше сведений о странах, лежащих по пути в Индию, и вернуться в Россию через Бухару. Тевкелев из Астрахани Каспием пошел на юг. В море его застигла буря. Корабль забросило к Астрабаду, где он попал в плен к персам, «заточен в тюрьму и отпущен на свободу лишь в результате хлопот русского посла Волынского».

Тогда, как известно, потерпели неудачу попытки Петра установить безопасный торговый путь в Индию и сушею, т.е. через казахские степи, и морем, по Каспию, а далее через Персию и Бадахшан.

По возвращении в Россию Тевкелев продолжал службу в Коллегии иностранных дел, исполняя различные поручения царя. В 1719 году он был послан к калмыцкому хану. В 1722-1723 годах принимал участие в Персидском походе Петра I как «старший переводчик в секретных делах». В то время, будучи в Астрахани, Петр I «через многих изволил уведомиться о почти неизвестных в тогдашнее время киргиз-кайсацких ордах». Память Тевкелева сохранила как сокровенную, доверенную ему лично мысль императора, и пустила позже в исторический оборот общеизвестные ныне и часто цитируемые слова Петра I, ставшие как бы эпиграфом к истории Оренбургского края: «...хотя де оная Киргиз Кайсацкая (орда) степной и лехкомысленный народ, токмо де всем азиатским странам и землям оная де орда ключ и врата; и той ради причины оная де орда потребна под Российской протекцией быть, чтоб только чрез их во всех Азиатских странах комоникацею иметь...»².

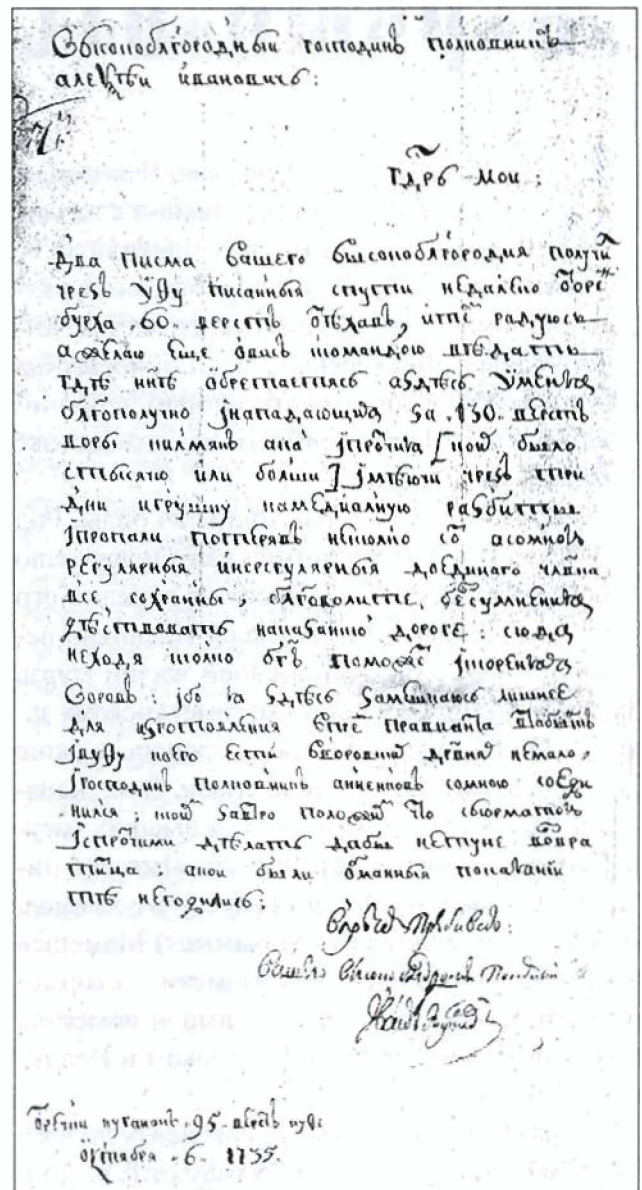
Видно, что Тевкелев придавал особое значение своему участию в Персидском походе,

как времени наиболее тесного и доверительно-го общения с великим преобразователем России. Незабываемым для чести Кутлуг-Мухаммеда было намерение «Его Императорского Величества Государя Императора Петра Великого» употребить его в будущих киргиз-кайсацких делах. «И ежели же моими трудами, – вспоминает Тевкелев в своих записках почти через полвека, – оная орда приведена будет в Российское подданство, то соизволил Его Императорское Величество изустно мне милостиво объявить: за то я нижайший от Его Величества к немалому награждению удостоен буду. Но токмо оное за кончиною Его Императорского Величества тогда в действие не произведено».

Однако история сама позаботилась о реализации «киргиз-кайсацкого замысла» Петра I при самом деятельном участии в нем мурзы Тевкелева. Вот что пишет сам Алексей Иванович об этом великом историческом событии.

«А в 1730 году при жизни блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны последовал к произведению положенного Государем Императором Петром Великим намерения хорошей случай, ибо Киргиз Кайсацкой орды Абулгаир хан сам прислал посланцов с прошением о принятии их в Всероссийское подданство... к исполнению Его Монаршего намерения употреблен и отправлен был я нижайшей с грамотою ко оному хану для принятия их в Российское подданство, где по приезде моем Абулгаир хану солтанам и всем знатым старшинам вручил грамоту. Но знатные старшины, уведав о приезде моем... устремились меня нижайшего и Абулгаир хана лишить неоднократно жизни, но я нижайшей, не щадя своего живота, единственно желая отечеству своему верную услугу показать, подвергая близ дву лет всегда себя смертным опасностям и голодному терпению и неусыпными трудами свыше данной мне инструкции, ведая их обычай и нравы, к тому все возможные способы употребляя, всю орду склонил таким щастливым успехом... Будучи же там в Киргиз Кайсацкой Орде я взятых в плен ими киргизцами и каракалпаками русских и иноверцев подданных Российских не менее осьми сот человек освободил, и еще при себе из Киргиз Кайсацкой Орды в Россию отослал».

Письмо И.К. Кирилова к А.И. Тевкелеву

Мысль, поданая Тевкелевым о «постройке поблизости их кочевья города» для «пользы к торгу», так понравилась хану, султанам и старшинам, что они восприняли ее как свою собственную и просили Анну Иоанновну «письменно о постройке на устье реки Орь города». «И по оному ханскому прошению, – пишет Тевкелев, – город Оренбург, по возвращении моем из Киргиз Кайсацкой Орды, построить проектировал Статский Советник Иван Кирилов... почему уже построили оный город Оренбург и протчие крепости мы со оным Кириловым двоя».

Много испытаний претерпел Тевкелев в орде. Около двух лет его удерживали там. Противники принятия российского подданства пытались его убить, отравить. Тевкелеву уда-

лось во избежание смертной опасности отправить в Россию сопровождавших его людей. Правительство, не надеясь уже на его собственное возвращение, собиралось выкупать своего посла, как он ко всеобщему изумлению появился в Петербурге живым и здоровым.

В награду за выдающиеся дипломатические труды его пожаловали чином «полковника с армейским жалованьем». С того-то времени он и стал именоваться в документах не Маметей Тевкелевым, а Алексеем Ивановичем Тевкелевым.

По возвращении из степи Тевкелев составил свое историческое «Всепопданнейшее предложение», где привел обширные сведения о малоизвестных тогда народах – киргизкайсаках, каракалпаках, башкирах, их тарханах, мещеряках и бобылях».

Знай сто лет спустя оренбургский военный губернатор Перовский содержание «Всепопданнейшего предложения» Тевкелева, не отправился он, быть может, в свой злосчастный Хивинский поход 1839 года в зиму, ибо Тевкелев, разведчик и бывалый путешественник по среднеазиатским степям, подчеркнул особо, что «до Хивы... ходить надлежит в лето в сентябре месяце, а не зимою».

В 1734 году Тевкелев был причислен к Оренбургской экспедиции, возглавляемой Иваном Кирилловичем Кириловым, и стал его первым помощником, поистине правой рукой, в деле освоения нового российского края. Правительственным указом Кирилову повелевалось: «Полковнику Тевкелеву быть в общем совете и у всех рассуждений и поручить ему главную команду над башкирским и нерегулярным войском, а в потребных случаях командировать и регулярных». Почти все указы Правительствующего Сената адресовались им обоим – статскому советнику Кирилову и полковнику Тевкелеву.

Разнородная деятельность, сопряженная с постоянным преодолением трудностей в самом начале устройства далекого от центра нового и весьма неспокойного края требовали колоссального напряжения, полной отдачи сил и, разумеется, недюжинных административных способностей.

Разнообразная была его деятельность. Среди многих славных трудов – 2 сентября 1736

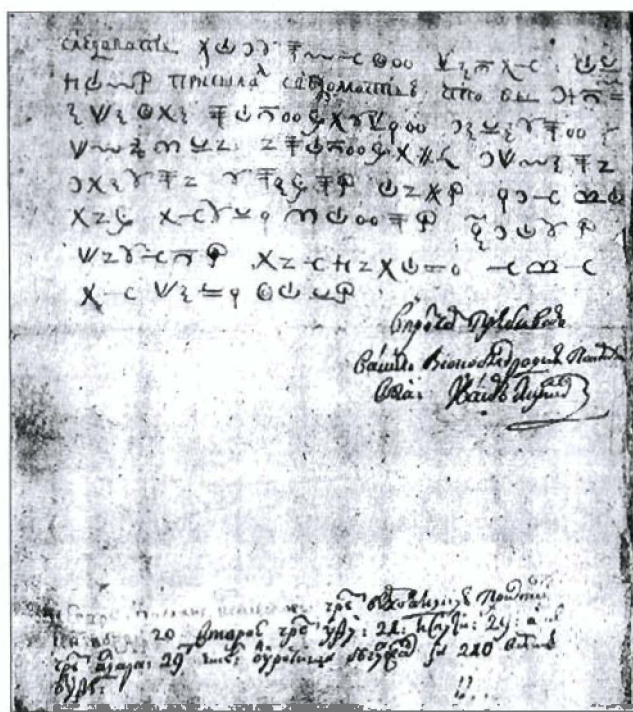
года Тевкелев «заложил на реке Миассе в урочище Челяби от Миасской крепости в 30-ти верстах» город Челябинск.

Усвоивший «самые суровые уроки петровской государственной школы» Тевкелев был ужасающе «беспощадным по отношению к сопротивляющимся власти и порядку».

В 1739 году его отозвали в столицу, в Коллегию иностранных дел, и определили «приставом при Персичком полномочном послем». В 1742 году Тевкелев был произведен в бригадиры. В тот год главным начальником в Оренбург был назначен выдающийся государственный деятель – Иван Иванович Неплюев, которому, однако, долго не удавалось наладить отношения с Абулхаиром. Хан и степная знать просили правительство прислать к ним знающего Тевкелева, без которого они «в великой жалости находятся». Чтобы «Абулхаира хана с Тай-

Из фамильных бумаг Тимашевых

Окончание письма И. Кирилова к А. Тевкелеву, написанное секретным шифром

ным Советником Неплюевым в согласие и дружбу привести», Коллегия иностранных дел в 1747 году вновь направила Тевкелева в Оренбург. «Достаточно быстро умелыми и искусными действиями мусульманский соратник Петра Великого сумел восстановить и наладить... систему отношений и связей с разными группами казахской степной элиты». Как уже было при Кирилове, он сделался необходимым и дельным помощником Неплюева, основателя города Оренбурга на нынешнем месте и первого оренбургского военного губернатора.

В 1750-х годах Тевкелев возглавлял Оренбургскую комиссию иноверческих дел, замещая Неплюева во время его отъездов в столицу. В 1755 году восьмидесятилетний труженик за огромные заслуги перед государством был произведен в генерал-майоры, став «первым генералом-мусульманином в истории России».

Весной 1756 года Тевкелеву предписали возвратиться в Петербург, но через три месяца вновь направили в Оренбург, «дабы присутствовать в оренбургской губернской канцелярии по всем делам, обще с Неплюевым».

Когда в феврале 1758 года Иван Иванович Неплюев покинул Оренбургский край, упросив императрицу дать ему отставку, то до прибытия нового губернатора «исправление обязанностей

начальника края лежало на генерал-майоре Тевкелеве совместно с советником П.И. Рычковым».

«Живая, острая энергия ума, стремление к активной деятельности сохранились у Кутлу-Мухаммеда», когда ему перевалило уже за восемьдесят лет – в 1763 году в правительстве рассматривался вопрос о возможности назначения его оренбургским военным губернатором. Екатерина Вторая выражала Коллегии иностранных дел свое мнение о нем: «Тевкелев... имеет идеи, кажется, изрядные относительно жизни киргизов... он многово полезного знает и весьма великую веру те народы к нему имеют».

Ревностный исполнитель планов Петра Великого скончался спустя три года после полной отставки от службы в возрасте 91 года. А.И. Тевкелев пережил обожаемого государя на 41 год. Похоронен он в своем казанском имении, деревне Тарси. Жена его, Хадича-бикэ, принимавшая когда-то в своем доме послов Абулхаира и ханского сына-аманата, скончалась в 55 лет, захоронена близ оренбургской своей деревни, в Татарской Каргале.

Потомки Тевкелева так же, как потомки князя Александра Бековича-Черкасского, породнились с семьей одного из первых оренбургских помещиков Тимашевых. Внучка Алексея Ивановича, Федосья Петровна (от дочери Марьи Алексеевны, бывшей замужем за князем Петром Ивановичем Бековичем-Черкасским), вышла замуж за Николая Ивановича Тимашева. У Алексея Ивановича Тевкелева было четыре правнука, носивших фамилию Тимашевых, – Константин (погиб под Аустерлицем в 1805 году), Василий (погиб под Лейпцигом в 1813 году), Григорий (1795-1825), Егор (1792-1849), участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813-1814 годов, бывший командующим Оренбургским казачьим войском в 1822-1830 годах. Федосья Петровна, внучка Алексея Ивановича Тевкелева и мать четырех названных сыновей, похоронена в семейном склепе Тимашевых при церкви села Никольское на Сакмаре.

С. Сорокина

¹ Сборник Русского исторического общества. М. 2002, №5 (153).
² Вестник Императорского московского общества истории и древностей российских. М. 1852. Т. 13.

Рубрику ведет Е.Н. Попова,
начальник отдела
использования и публикации
документов Госархива
Оренбургской области (ГАОО)

1731 года Февраля 19.

ИНСТРУКЦИЯ

от Государственной Коллегии Иностранных Дел
переводчику восточных языков Мегмету Тевкелеву,
отправленному в Киргис-Кайсацкую орду, -
для приведения оной в подданство России:

1. Схвать ему в Киргис-Кайсацкую орду, где обретатись будет главный их и первый Хан Эвлуханр, того Хана с посланцы Кутлумбетом Коштаевым да Сенткүлом Кайдангүловым, присланными от него сюда и отпущенными с ним Тевкелевым вместе.

2. И, приехав ему Тевкелеву к тому Эвлуханр Хану, быть у него и говорить, понеже ко Всепресветлейшей Государыне Анне Иоанновне Императрице и Самодержице Всероссийской, к Ея Императорскому Величеству, Нашей Всемиловитвейшей Государыне присылал ты Эвлуханр Хан посланцев своих Кутлумбета Коштаева да Сенткүла Кайдангүлова с листом своим и с словесным прошением о принятии тебя Хана со всем твоим владением в подданство Российское и быть бы вам с подданными российскими в миру. И Ея Величество Всемиловитвейшая Государыня Императрица вас, Киргис-Кайсацкого Хана Эвлуханра, старшину и все Киргис-Кайсацкое войско пожаловали, повелели по

прошению вашему в подданство Российское принять, о чем к тебе Эвлуханр Хану и ко всему войску Кайсацкому Ея Императорского Величества грамота с посланцы твоими прислана, и копия на Татарском языке приложена; и в подтверждение того и в знак Своей Императорской милости Ея Императорское Величество Всемиловитвейше соизволила и меня с своею Императорского Величества грамотою к вам отправить и указала мне вас обнадежить, что Ея Величество вас Эвлуханр Хана и все Киргис-Кайсацкое войско в неотменной своей милости содержать будет и надеется взаимно, что и вы Хан и все войско к Ея Императорскому величеству всегда в такой непоколебимой верности содержать себя будете, как по вашему обещанию и верным подданным надлежит. И в знак Ея Императорской милости прислана со мной особливо другая Ея Императорского Величества грамота к тебе Хану да жалованья сабля, шуба соволя, да шапка с лисицею черною и сукна и прочее.

И тоє грамоту ему Хану подать и жалованье объявить и отдать же. Также, ежели при том Эбулханр Хане будут прочие Ханы: и ему Тевкелеву тех Ханов также де обнадежить Ея Императорского Величества милостию. И приличное жалованье им дать, разведав о каждом из них, кто чего достоин.

3. По сем ему Тевкелеву стараться, яко о наглавнейшем деле, дабы в верности Ея Императорскому Величеству оный Эбулханр Хан со всеми другими Ханы и с Старшиною и с прочими всеми Киргис-Кайсаки присягу по своей вере на Алкоране учинили и тоє руками своими подписали и ему Тевкелеву отдали.

4. И, когда они сие учинят, тогда ему Тевкелеву, будучи тамо между ими усматривать и разведать, желательна ли они в то подданство вошли, и буде желательна все к тому приступили, тогда ему Тевкелеву чинить и следующее. Понеже в листу того Эбулханр Хана написано только о сем, что он Хан со всем своим владением желает быть у Ея Императорского Величества в подданстве, а присланные его словесно доносили, что хотят служить и ясак платить так, как служат и платят оный ясак башкирцы; когда же те посланцы спрашиваны, что для уверения об их верности, дадут ли Ханы из своих детей или из свойственников в аманаты, и они ответствовали, что надеются дать в аманаты из знатных людей на Уфу, ежели им будут определены кормовые деньги. Сего ради ему Тевкелеву после подания грамоты Эбулханр Хану и обнадеживания его милостию Ея Императорского Величества и по учинении присяги быть у него Хана на иной день и говорить, что понеже он Эбулханр Хан со всем войском Кайсацким учинился ныне в подданстве у Ея Императорского Величества Всероссийской, как и башкирцы, и в знак верности своей учинили присягу по закону свое-

му на алкоране, то надлежит им и пункты, каковы в грамоте Ея Императорского Величества к нему присланной описаны, руками своими подписать, как все подданные Ея Императорского Величества сие чинят, и как Башкирцы, показуя свое верное подданство, платят ясак и аманатов дают на Уфу, так бы и они, показуя верность свою, ясак платили и аманатов на Уфу дали; и к нему приводить его Эбулханр Хана добрым способом, представляя им пристойные резоны.

5. А ежели по тому его Тевкелева представлению и домогательству, он Эбулханр Хан к платежу ясака и в даче на Уфу аманатов, будет не склонен: и то отпустить, и усильно о том не домогаться; только стараться, чтоб он Эбулханр Хан с прочими начальными, пункты подписали и служили в верности.

6. И ежели он Эбулханр Хан взаимно будет у него Тевкелева требовать таких же пунктов за его Тевкелева рукою, и ему сказать, что хотя ему Тевкелеву таких пунктов давать было не для чего, ибо те все пункты описаны в грамоте Ея Императорского Величества, к нему Хану присланной, однако ж он Тевкелев по желанию его Хана учинит; и такие пункты ему Тевкелеву за своею рукою дать и теми с ним разменяться.

7. Буде же он Эбулханр Хан по представлению и домогательству его Тевкелева и пунктов дать не похочет и его к тому приводить и склонять, дабы он Хан в ответной свой лист к Ея Императорскому Величеству (который ему Хану с ним прислать надлежит) те пункты внес и обещал бы оные содержать и подписал бы тот свой лист он Хан и, ежели возможно, и другие начальные; а ежели и того он не похочет, то хотя бы он так в листе своем написал. Что все то, что в грамоте Ея Императорского Величества к нему присланной написано, содержит; также пред-

лагаться Хану, чтобы он прислал в Москву посланцов своих и оным велел здесь жить для предложения о его Ханских и войсковых делах и обнадёжить его Хана, что те посланцы его здесь содержаны будут во всяком довольстве и корм, и квартиры будут им даваны.

8. Ему же Тевкелеву говорить ему Эбулханр Хану и домогаться о освобождении Российских пленных, сколько их тамо есть, дабы при бытности его Тевкелева все были собраны и ему отданы, представляя ему Хану, что чрез сие освобождение пленных покажется к Ея Императорскому Величеству его Эбулханр Хана истинная подданническая верность и служба, за что он больше от Ея Императорского Величества имеет быть пожалован.

9. Как туда едучи, так и назад возвращаяся, иметь ему Тевкелеву журнал или повсядневную записку, а наипаче путь, которым имеет он ехать от Уфы, и сперва описать о башкирцах, какие они имеют жилища или кочевья, города, села или деревни и какое их правление и состояние, и промыслы, и пожитки; второе, между теми башкирцы и киргизцы далеко ль расстояние, какие где жилища есть, и какие ж званием и великостию реки и иные воды, и чрез оные где и какие переправы, леса и степи, и далеко ль одно от другого расстоянием, и не имеется ль каких засек или перекопей, или других каких к обороне их крепостей; третье, о тех самих киргизцах усматривать и разведать, а особливо о начальниках их Киргис-Кайсацком Эбулханр Хане, какого состояния он есть, сколько владения его городов и мест, дворов, кибиток или числом людей и кроме его Хана, кто имени другие Ханы, и имеют ли они особые города. Или места, или кочевья, и сколько который имеет, и каким званием, и при городах и жителях имеется ль пашня, сады и иные какие промыслы, и Ханы и владетели кочевные и городские послуш-

ны ль Главному Эбулханр Хану, и наследные ль или оберанные (выбранные), или ясаки, или иные какие сборы с подчиненных их они собирают, и поскольку в год тех сборов Главному Эбулханр Хану и прочим бывает, и все ль один Магометанской закон держат, или суть из них других каких законов люди, и посланцов сюды Эбулханр Хан с согласия ль других Ханов и всего народа присылал, и народу приятно ль сие, что они приняты в подданство Ея Императорского Величества, купечество они какое и с какими соседними народами имеют ли, из того какие на Хана доходы бывают ли, и ремесла какие, а особливо оружейные и заводы селитренные и пороховые имеют ли, и умеют ли они сами пушки лить и иное ружье делать, а буде они сами пушек и ружья и пороха не делают, то откуда получают и за деньги ль купят или на какие товары меняют; жилища и кочевья их Кайсацкия с кем граничат, и с кем они ныне в миру, и с кем в войне, и кроме того пути, которым он будет ехать, другие от которых до Российских городов имеются ль дороги, и способны ль те дороги к проезду.

10. Сие же все ему Тевкелеву разсматривать, разведывать и записывать искусным способом.

11. Ежели аманатов Эбулханр Хан с ним отправит, тех оставить на Уфе и приказать их содержать, как в пунктах написано, или чего еще сверх того будет Хан требовать освобожденных из плена такожде отдать на Уфе Воеводе, а ему оных распустить в дома их, где кто жил, а сюда привести им именную роспись с обстоятельными ведомостями, а особливо о Российских, кто какого чина и которого города, и давно ль, и где, и кем взят был в плен.

12. Учиняя все то вышеписанное и возвратясь в Москву, подать в Коллегию Иностранных Дел всему тому обстоятельную записку и о расходе посланной с ним казне ведомость за рукою своею.

Сношения русских с жителями Средней Азии начались с давних пор и носили первоначально чисто торговый характер. Еще до нашего вступления монголов ввозились в Новгород через страны эти индийские товары; со времени же монгольского ига сношения эти увеличились; но в сущности начали упрочиваться они только при Петре Великом, когда правительство наше берет на себя не только инициативу этих сношений, но и изъявляет готовность поддерживать их силою оружия. На край среднеазиатских кочевников Петр I смотрел как «на ключ и врата ко всем азиатским странам и землям», о богатстве которых говорилось так много. Неудачная экспедиция князя Бековича-Черкасского в 1717 году была следствием такого взгляда преобразователя России. С этого же приблизительно времени начинает выясняться в сношениях с нами и характер той политики, которой следуют преимущественно хивинцы и их ханы до времени окончательного их покорения в настоящем столетии. Эта политика может быть охарактеризована так: присылать возможно чаще в Россию послов с мишурными подарками, обещать на словах и бумаге полную России пре-

данность и вместе с тем, надеясь на недоступность своей страны и терпение русских, грабить караваны могущественного соседа, захватывать в плен подданных русского царя, волновать сопредельных с русскими киргиз¹ и, притихнув на некоторое время при угрозе, потом вновь начать те же обманы, грабежи и убийства, доказательств этому немало. Приведем из множества одно. Так, в 1700 году сам хивинский хан просил Петра Великого о принятии Хивы в подданство России, но не далее, как через семнадцать лет, в той же Хиве с головы Бековича-Черкасского содрана была кожа, набита сеном и послана к бухарскому эмиру, как знак победы, а русские солдаты отряда князя или перебиты, или обращены в рабство.

В 1803 году было отправлено из Орской крепости посольство в более дружественную нам Бухару под начальством поручика свиты Его Величества по квартирмейстерской части Якова Гавердовского. Экспедиция эта преследовала вовсе не воинственные, а, скорее, коммерческие цели, имевшие прямое отношение только к Бухаре, знакомство с которой поддерживалось с давних пор, как с важным потребителем

русских произведений и проводником наших товаров в заманчивую Индию и в Афганистан². В свою очередь, и бухарцы предпочитали мирные отношения с русским народом всяким другим, а несоприкосновение ее с границами России не давало и поводов к пограничным спорам и разбоям, какими беспокоила нас Хива. Положим, и бухарцы не могли окончательно отрешиться от азиатских привычек и из вторых и третьих рук перекупали русских пленников, а правительство их брало лишнюю пошлину с русских купцов; но все эти обстоятельства не обостряли наших отношений с ними.

По мере распространения русской власти к юго-востоку от Урала, сношения с Бухарою принимали более серьезное значение и являлось желание, вызванное, конечно, не одним только любопытством, подробнее и точнее изучить бухарское ханство, почему еще с прошлого столетия началась частая посылка в Бухару наших чиновников и миссий. К таким миссиям принадлежало и посольство в Бухару поручика Гавердовского.

Необходимость этого посольства вызывалась, собственно, как это видно из архивных дел того времени, следующими соображениями.

Цолнер Троицкой пограничной таможни Чекалов донес министру коммерции графу Румянцеву о бежавших в Бухарию тептяре Валите Халитове, который будто бы производил в этой стране «публичное делание фальшивых ассигнаций». Эти вести цолнер Чекалов получил от торгующего в Бухаре казанского татарина Ибрагима Смайлова, который по поручению Чекалова, как гласит дело, «сделал даже некоторый подвиг о выдаче сего преступника, но без успеха».

Считая такое известие весьма важным, русское правительство решило послать в Бухару «нарочного чиновника», и министр внутренних дел граф Кочубей письмом от 22 ноября 1802 года уведомил оренбургского губернатора Н.Н. Бахметева, что таким чиновником назначен свиты Его Величества поручик Яков Гавердовский, который и должен предъявить бухарскому правительству требование о выдаче преступника Халитова. Извещая в заключение, что Гавердовский снабжен по Высочайшему повелению особой инструкцией, граф Кочубей просит губернатора дать поручику все способы к успешному совершению предпринимаемого им путешествия, снабдив его переводчиками, охраной и препо-

дав ему все необходимые для достижения цели сведения и средства. Вслед за письмом графа Кочубея и министр коммерции граф Румянцев известил оренбургского губернатора, что Государю Императору угодно было отправить с грамотою и подарками к бухарскому хану поручика Гавердовского, сопровождаемого надворным советником доктором Большим, колонновожатыми поручиками Ивановым и Богдановичем и татаринном Ибрагимом Смайловым...

В конце февраля 1803 года в Оренбург прибыл сам поручик Гавердовский с доктором Большим и вышеназванными офицерами и немедленно представил в пограничную комиссию «объяснение о средствах к отправлению его в Бухару», согласно Высочайше данной ему инструкции...

Гавердовский считал нужным дать знать о его предстоящем путешествии всем султанам и старшинам, требуя от них именем Государя и обещая подарки, охраны его со спутниками от могущих произойти в пути нападений. Напомнив пограничной комиссии, что все распоряжения о средствах, припасах для предстоящей экспедиции, а также охранение и порядок ее следования всецело зависят от комиссии, как компетентного в сем деле учреждения, Гавердовский настаивает на необходимости иметь при посольстве переводчиков, писаря, а для услуг и этикета 15 казаков и тептярей, знакомых с азиатскими наречиями, вооруженных, знающих какое-либо мастерство... Для наблюдения за этой командой он испрашивал назначения «благоразумно мыслящего честного офицера из казаков»...

В силу всех этих настойчиво выраженных просьб председатель Пограничной комиссии генерал-майор Борцов рапортом от 14 марта 1803 года на имя оренбургского губернатора доносил, что Пограничная комиссия просит утверждения губернатора на прикомандирование к Гавердовскому просимых им людей и разрешения на одарение киргизских знатных людей подарками... Купечество согласилось отправить с ним в Бухару караван «на знаменитую сумму».

В архивных делах не сохранилось документов, указывающих на время выступления Гавердовского из Оренбурга, и только судя по датам «объяснений», с какими обращались принявшие участие в торговом караване купцы в Оренбургскую пограничную таможню о разрешении вы-

пускать за границу товары, можно заключить, что только в двадцатых числах июля могло двинуться из Оренбурга злополучное посольство в составе всего 43-х человек, в числе коих было 15 казаков во главе с сотником Шубиным, 9 тептярей 1-го и 2-го тептярских полков при трех хорунжих, есаул Каримов с казаками, доктор Большой, поручики Богданович и Иванов. Кроме того, при экспедиции находились бухарский чиновник Мир-Мухамет Аминов с братом, коллежский ассесор Биктяшев, регистратор Андрюков, переводчик Бекчурин с сыном, копейцом Бекчуриным, персидский переводчик Ибрагимов, мулла Файзуллин и состоящий непосредственно при самом Гавердовском казанский татарин Ибрагим Смайлов, тот самый, по донесению которого из Бухары и признана была необходимость настоящего посольства.

При посольстве последовал торговый караван, о составе которого в архиве имеются подробные сведения. Из них видно, что он был весьма богат и что участвовали в нем первогильдейные купцы, именно: ростовские – Савва Кайдалов и Мясников, мамадыжский – Абдулла Утямышев, казанские – Мусса Мунасыпов и Баязитов, коммерции советник Карелин и вологодский купец Шапошников. Фирмы эти командировали в Бухару надежных приказчиков и работников.

Из объяснений, представленных в пограничную таможню, можно видеть, какие товары составляли в то время предмет торговли с Бухарией. То были: сукна, бархат, плис, атлас, ситец, тафта, шелковые платки, парча. Мишура, штоф, саржа, холст, кожи и меха разных сортов, чай, сахар, сассапарель, гвоздика, ножи, бритвы, гребни, иголки, серьги, стеклянные пронизи, бисер, жемчуг, драгоценные камни. Весьма важный предмет нашего вывоза составляли «корольки» (кораллы), которых в караване было на сумму 12500 руб.

Но главные богатства заключались в червонцах. Так, купец Утямышев отправлял их на сумму 134124 рубля и товару на 9785 руб. 60 коп... Купеческий караван представлял весьма солидную ценность в 296843 рубля, разложенную на 300-х верблюдах. Понятно, что такое богатство могло возбудить разбойничьи аппетиты в высшей степени. Высланные же заблаговременно в степь киргизцы только способствовали широкому распространению вестей о несметных

богатствах, следующих в Бухарию с поручиком Гавердовским. Сказки об этих сокровищах, думается нам, и воспламенили главным образом хивинцев и киргиз до того, что игнорируя неприкосновенность Гавердовского, как посла могущественного Белого Царя, они думали только о хищении этих сокровищ...

Перед выступлением из Орска в степь, Гавердовский счел нужным еще раз обратиться письменно к биям, старшинам и владельцам разных киргизских родов с просьбами не препятствовать ему на пути и где можно оберегать и охранять следующее с ним посольство и караван. Между этими письмами было одно к ограбившему впоследствии караван владельцу Чиклинского рода киргиз, Аблазы-султану, брат которого Ширгазы, будучи в Оренбурге, вызвался сопровождать Гавердовского до самой Бухары, но в степи под разными предлогами отстал и пристал вновь к Гавердовскому только по разграблению. Однако, несмотря на принятые меры предосторожности, из степи приносились неутешительные вести. Посланные с письмом к Аблазы-султану не достигли цели, так как услышали, что близ реки Сыр-Дарья сосредоточилось большое скопище киргиз, решивших, якобы, разграбить караваны и не пропускать русских за Сыр-Дарью.

Хотя встретившийся на пути бухарский караван и опровергал подобные сведения, обнадеживая в безопасности пути, тем не менее Гавердовский послал на Сыр-Дарью для точных разведок нарочных, сам же с караваном последовал до урочища Карача-кум. В десяти верстах от Сыр-Дарья и в 880 верстах от русской границы 6 сентября навстречу ему выехали посланные и уведомили, что действительно управляющий Чиклинским родом, самовольно назвавшийся ханом султан Аблазы во главе 3000 киргиз, заняв все переправы на Сыр-Дарье, решил не пропускать русских за реку, караван разграбить, а людей экспедиции забрать в плен.

По получении таких печальных сведений Гавердовский счел необходимым отступить, чтоб приблизиться к аулам верных России киргиз. Свита шла днем и ночью со всеми мерами предосторожности, тем не менее утром 9-го сентября у урочища Ходжи-Берген они были настигнуты степными разбойниками в числе около тысячи человек. Пуская стрелы, с пальбой из ружей, с гиком обрушилась эта масса киргиз на миниатюрный русский отряд...

Гавердовский немедленно остановил караваны, спешил людей, развьючил тех верблюдов, которые особенно тяжело были навьючены. Отрядец принял оборонительное положение. Некоторые из сопровождавших караван киргиз сначала помогали русским, но потом перешли на сторону разбойников. Чиклинцы атаковали в конном строю; но, не видя успеха такой атаки, бросились потом пешими на ту часть каравана, где были верблюды, в намерении отрезать их от команды. И в то самое время, когда впереди верблюдов горсть казаков с сотником Шубиным во главе отчаянно защищалась, верблюдо-вожатые вдруг подняли верблюдов и лошадей и перешли на сторону чиклинцев; все бывшие на них тюки тотчас же сделались добычей злодеев, а в этих тюках хранился денежный ящик Гавердовского и большая часть купеческих червонцев. Добыча была заманчива и так разожгла алчность разбойников, что они тотчас же принялись за ее дележ. Между тем из оставшихся тюков казаки соорудили городок. Гавердовский проверил количество своих людей и заметил, что часть сопровождавших караван купцов и их приказчиков исчезла. Оказалось, что будучи одеты по-киргизски, они еще в начале нападения чиклинцев скрылись, руководимые верными киргизами, причем успели захватить на двух верблюдах легкие товары, главным образом в червонцах и корольках.

Наступила между тем ночь. Чиклинцы не выказывали желаний вторичного нападения, хотя количество их увеличивалось и дошло до трех тысяч человек.

Положение маленького русского отряда становилось критичным; вода была выпита, солнце жгло, жажда томила людей. На стороне врага, расположившегося на местах более низких, воды было достаточно, у русских же, занявших позицию на вершине холма, ее не было ни капли. Однако жажда заставляла казаков на месте, где они расположились, рыть колодезь; рыли они его весь вечер и ночь до рассвета, но жизненная влага не показывалась. На глубине девяти аршин песок был также сух, как и на поверхности. Чиклинцы не делали уже нападений, видимо, желая взять этих героев измором. Отряд начинал переживать ужасные часы. Измученные жаждой люди томились и просили пить во что бы то ни стало. Киргизы этого только, кажется, и ждали. Но, боясь потерь от ру-

жейного меткого огня, они задумали достигнуть каравана хитростью, а именно наделав из растущего вокруг прутьяку нечто вроде туров в человеческий рост, они, спенившись, начали подходить под их защитой к отряду.

Между тем, оставшиеся при караване купцы понуждали Гавердовского к уступкам. Эти просьбы, а более всего вид истомившихся людей, поколебали поручика. Начались переговоры с киргизами, и согласно их Гавердовский обязался заплатить за каждого убитого чиклинца по тысяче червонцев, а за раненых дать подарки. Решаясь на это, поручик полагал, что с потерей таким образом половины имущества он спасет другую половину, почему с общего согласия раздал киргизам часть сохранившихся купеческих червонцев и товаров. Разбойники пользовались всеми способами для собственного обогащения, и так как люди Гавердовского просили воды, они продавали соленую затхлую воду, получая за небольшую мерку два червонца. Безнадежное состояние отряда понудило чиклинцев к решительному намерению забрать в плен всех русских. Шесть раз приступали они к городку с этой целью, и каждый раз были отбиты ружейным огнем.

Наконец, отряд изнемог. Увидя это, Гавердовский объявил злодеям, что оставляет караван в их распоряжении, но что готов скорее умереть, чем отдаться им в плен. И вот, сбросив с себя даже верхнее платье, чтоб не возбуждать к себе жадности врага, наполнив карманы патронами, с оружием в руках, с решимостью умереть при первом нападении врага, отряд начал геройское свое отступление...

Гавердовский бросил в добычу злодеям все дела, заметки, карты, планы, инструменты, подарки, товар и думал только о сохранении на груди своей Высочайшей грамоты и писем министра к бухарским сановникам. Богатейшая, почти в двести тысяч рублей, добыча, прельстила разбойников настолько, что они в первое время всецело предавались ей; но потом, однако, часть их бросилась преследовать русских и захватила в плен безоружного доктора Большого, деньщика Васильева и татарского мальчика Халима Искакова.

В трех местах от брошенного каравана Гавердовский наткнулся на киргиз, которые объявили, что высланы ему на помощь, и предложили команде своих лучших верблюдов и ло-

шадей. Усталые люди с радостью бросились к этим животным, а чтобы облегчиться, отдали этим киргизам оружие. Но Гавердовский тотчас же заметил коварство этих кочевников, намеревавшихся, посадив русских на лошадей и верблюдов, развести их порознь по степи. Поэтому, сойдя с лошади, он приказал всем немедленно сделать то же и обороняться.

Наступила темная ночь, и выстрелы помешали киргизам. Они отступили, успев, однако, захватить с собою шесть человек из числа отдавших им оружие.

На рассвете следующего дня команда пришла в аул Муссеряб, где принята была также недружелюбно, и только обещанием заплатить потом деньги вымолил Гавердовский себе здесь свободу. Между прочим, тут он сделал попытку узнать, что случилось с покинутым караваном, и нельзя ли возвратить захваченных у него людей, за что обещал также вознаграждение. Двенадцатого сентября к нему привели плененных, шесть человек. К счастью, оказалось, что у бывших с ним купцов сохранились червонцы, которых и было уплачено при этом четыреста. А о докторе и других забранных с ним людях не было даже слуха.

Четырнадцатого сентября с трудом удалось, наконец, Гавердовскому выбраться из аула Муссеряб, где задержали его с людьми в надежде распродать их в рабство и не допустить до родины, чтоб не было там об этом происшествии ровно никаких слухов. Только благодаря небольшой части верных киргиз выбрался Гавердовский и пешком в тот же день пришел с командою в аул преданного русским старшины Китабай-бия. Здесь на занятые у купцов червонцы было куплено им несколько лошадей и верблюдов и верхнего платья, за что заплачено было втрое дороже обыкновенного.

Едва только 15-го сентября караван собрался в путь, как и здесь набежали злодеи, требуя за выезд денег. Чтобы избежать беды, купцы, которых уже успел настичь Гавердовский, согласились заплатить им 800 червонцев. Пустою, безжизненною степью, где не было и признака кочевья, побрели они медленно к родной границе. Обессиленные, голодные, оставаясь в течение двух дней безо всякой пищи, они уже приближались к этой заветной черте, как вдруг верстах в 60 от Орска подверглись новому неожиданному нападению шайки кочевников че-

ловек в сто, которые полагали было забрать всех русских без сопротивления, но, однако, встретив неожиданный отпор со стороны этой измученной горсти людей, отступили.

Наконец, 23-го сентября к великой радости команды, Гавердовский вошел в Орскую крепость. Здесь к нему снова пристал брат Аблазы-султана Ширгазы. Чтобы загладить свое двусмысленное поведение, он взялся доставить своему брату письмо Гавердовского касательно освобождения из плена доктора Большого и прочих людей и обещался приложить сам к этому все старания. За исключением пленных вышепоименованных лиц в Орскую крепость вошли все люди его команды и свита. Раненых было всего пять человек, в числе их был и брат бухарского посланца. О последнем Гавердовский упоминает как о замечательно храбром, прекрасном человеке, который, потеряв все свое имущество и товары (последнее в драгоценных камнях на сумму почти 10000 рублей), тем не менее бился заодно с русскими, и хотя ему давали все средства спастись, но он отвергнул их.

По прибытию в крепость Гавердовский явился к коменданту крепости полковнику Петрову и объяснил ему все с ним происшедшее. На его просьбы и снисходя к его несчастному положению, комендант выдал ему пособие в размере 250 рублей.

27 сентября Гавердовский прибыл в Оренбург. Отсюда он послал министру графу Воронцову подробное описание своих злоключений, с приложением ведомости об убытках всех лиц каравана и свиты, по которой значилось, что убытку по разграблению понесено: червонцами корольками у свиты и чинов команды на 20726 рублей. У купцов на 250376 рублей, спасено же купцами на 127164 рубля. К этому же донесению был приложен подробный список «усердствовавшим киргизам» и всем, отличившимся в деле с чиклинцами и другими злодеями, чинам команды. Описав свое жалостливое и бедственное положение в пути, Гавердовский в заключение выясняет причины постигших его и караван неудач.

«Вот что узнал я от верных мне людей в степи киргизской, — пишет он. — Вскорости по прибытии моем в Оренбург через Астрахань в Хиву и даже из самого Оренбурга в Кунграт дано было известие о моем проезде в Бухарию. Хива, замешанная всегда в грабежах киргизских и подстре-

кающая их нападать на линию для пленения людей, признала сие мое отправление для себя действительно опасным, почему соглашала туркменам напасть на меня за песками Кызыл-кум, но бухарский эскорт, приготовленный для моей встречи, остановил туркменцев. Напоследок были собрания у чиклинцев. Сии, не будучи никогда у границ российских, не несли никогда имя подданных, и весь их промысел суть грабительство караванов и других киргизцев. Сии убеждены были от Хивы под видом собственного их спасения меня не пропустить. Им насажено было, что я имею с собой большое сокровище и будто бы меряю землю и делаю наблюдения»...

Пострадавшие в этом деле купцы не замедлили обратиться к правительству с просьбой о вспоможении. Всех раньше это сделал купец Кайдалов, которому всемилостивейше было выдано из Государственного банка заем с рассрочкой на 20 лет 15000 рублей. Прочие торговцы последовали его примеру. Тогда министр коммерции граф Румянцев письмом от 24 июня 1804 года извещал оренбургского губернатора князя Волконского, что он и министр финансов входили с представлением по сему поводу пред Государем Императором и что Его Величество высочайше утвердил представленную ими записку и дал на имя министра финансов рескрипт, в котором всемилостивейше снисходя на просьбы означенных купцов, признал справедливым оказать и им вспоможение, равно чиновникам и команде... Что же касается до бухарского посланца, который в вознаграждение убытков просил дозволения пропустить чрез астраханский порт 15000 пудов стали, то его в этом удовлетворили...

Таким образом, неудачный исход миссии Гавердовского еще раз подтвердил вероломную политику Хивы, изуверство и безграничное не-

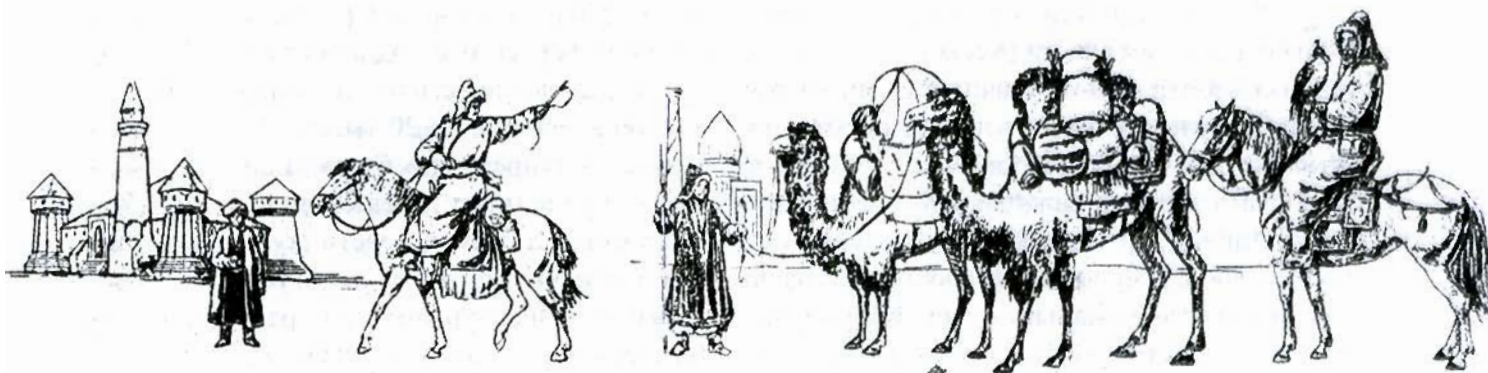
вежество которой внушали ее подданным, что уступчивость и долготерпение России происходят единственно из-за перевеса значения и силы Хивы; почему и в дальнейших с ними сношениях хивинцы по-прежнему не перестают быть надменными и дерзкими, явно переступая все права русской державы. Только этим и можно объяснить обстоятельство, что хивинцы самовольно постановили правилом, чтобы наши торговые караваны, в какие бы места Средней Азии они не отправлялись, непременно бы следовали окольным путем чрез самую Хиву с целью взимания здесь пошлин и подати, произвольно возвышаемой ими до крайних пределов. Поэтому все караваны, уклонявшиеся от пути через Хиву, подвергались разграблению по приказанию хана его войсками, причем хан получал значительную долю добычи. В силу всего вышесказанного, русское правительство начало изыскивать меры к прекращению господства Хивы и готовых к ее услугам киргиз; но все принятые в течение XIX века мероприятия до тех пор не в силах были обуздать вероломство Хивы, пока, наконец, в 1873 году генерал-адъютант Кауфман не продиктовал ей ясно выраженных требований России во дворе ее владетеля Сеид-Мухамет-Рахим-Хана.³

В. Водопьянов

¹ Название казахов до 1922 г.

² В письме к бухарскому сановнику Ходжи-Халену Гавердовский о цели посольства писал, что она «утвердит теснее мир и обоюдное народам доставит согласие; успокоить можно торговлю и купеческим караванам сделать безмятежный чрез степь киргизскую проход, дабы торговлю российскую и бухарскую привести в высшую степень и в цветущее состояние».

³ Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Оренбург, 1897.

Историческая записка об Оренбургском казачьем войске

(Продолжение)

Побудительные причины к постройке города Оренбурга

В 1731 году хан Малой киргизской орды Абул-Хаир, кочевавший между Аральским морем и рекой Уралом к северу от реки Эмбы, теснимый беспрестанными набегами башкир с севера, а владельцев зюнгорских калмыков с юга, принял русское подданство и к тому же склонил ханов Каракалпакского и Большой киргизской орды. В 1733 году хан Абул-Хаир должен был вести войну с одним из калмыцких владельцев Доржей Назаровым, кочевавшим по Эмбе и Уралу, и хотя, напав на улусы Назарова, Абул-Хаир хан и разорил их, но в том же 1733 году прислал в Петербург

своего сына и брата и просил о построении на Урале города для защиты киргиз. По этому случаю обер-секретарем статским советником Иваном Кириловым был составлен проект о мерах к утверждению русской власти над киргизами и вообще к устройству Приуральяского края. Проект 31 мая 1731 года удостоился утверждения императрицы Анны Иоанновны, а исполнение его возложено на самого Кирилова, в помощь которому был дан полковник мурза Алексей Тевкелев, принимавший деятельное участие в переговорах с Абул-Хаир ханом о подданстве киргиз русскому правительству.

Постройка Оренбурга, устройство Самарской, Оренбургской и Уйской линий и участие в этом казаков

Для устройства Оренбургского края и водворения в нем власти русского правительства был избран весьма удачный план, по которому должно было возвести крепости по южной и восточной окраинам Башкирии, чрез что достигались три важные цели: беспокойные башкиры сдерживались рядом крепостей со всех сторон; прекращались сообщества башкир с киргизами зауральных степей и получалась возможность вблизи следить за действи-

ями киргиз, из которых Средняя орда еще не признавала русского подданства и в 1733 году предполагала напасть на башкирцев, для чего и собиралось уже до 20 тысяч человек. Нападение предупреждено было лишь благодаря заблаговременному извещению о нем от Абул-Хаир хана. Статскому советнику Кирилову велено было построить город при устье реки Орь, назвав его Оренбургом, а для работ нарядить тептярей и бобылей, сколько потребуется; для

первого случая и содержания города перевести из гарнизонов: уфимского – половину полка и из казанского – один или два полка. Из Уфы взять туда же половину дворянских рот и казаков и недорослей уфимских и мензелинских, а яицких и сакмарских казаков нарядить сколько возможно, о чем снести с яицким войсковым атаманом. Всех, как регулярных, так и нерегулярных, служилых людей дозволено было употреблять на работы по постройке города, магазинов и других строений, давая им заработанные деньги, смотря по работам. Но башкирцев наряжать на работы было воспрещено, чтобы «тем их от охоты к службе не озлоблять».

7 июня 1734 года была высочайше утверждена Привилегия городу Оренбургу, которой, между прочим, дозволялось «всем и всякого народа российского, купечеству, мастеровым и разночинцам. А также иностранных европейских государств иноземцам, купцам и художникам, и тутошнему башкирскому народу, киргизам и каракалпакским народам и из азиатских стран приезжим грекам, армянам, индийцам, бухарцам, хивинцам, калмыкам и иным всякого звания и веры приходиться, селиться, жить, торговать и всяким ремеслом промыслять и паки в свои прежние жилища отходить свободно и невозбранно, без всякой опасности и задержания». Желаящим селиться было обещано отводить безденежно места под дворы, кладовые, амбары и лавки, давать на постройку лесные и каменные припасы в долг с уплатою в десять лет без процентов. Кроме того, с товаров не велено было брать в казну пошрины в течение трех лет, то есть по 1738 год.

В 1734 году Кирилов с войском и нужными для работ лицами прибыл в Уфу и прежде всего занялся заготовлением провианта и устройством на реке Урал пристани, с которой мог бы сплавлять провиант и материалы для постройки города на реке Орь. Место для пристани было выбрано там, где ныне находится уездный город Верхне-Уральск и казачья станица Вехнеуральская. Это было первое русское поселение на реке Урал.

С наступлением весны 1735 года г. Кирилов был готов к походу и в апреле выступил из города Уфы с пятнадцатью пехотными ротами, 350 казаками и 600 мещеряками, не вос-

пользовавшись данным дозволением взять с собой яицких и сакмарских казаков; но в десяти верстах от города остановился лагерем, дожидаясь пять рот вологодских драгун с Закамской линии. Прождав их напрасно до 15 июня, Кирилов двинулся далее, несмотря на то, что пред самым выступлением к нему явились посланные от башкирца Кильмяка Абыза с предупреждением, что башкиры будут препятствовать походу всеми силами. На предупреждение это Кирилов не обратил внимания, обманутый заявлениями башкир о готовности поступать к нему на службу в полки; но на пути узнал, что на шедшие к нему роты вологодских драгун сделано нападение. Это извещение вынудило его послать на соединение с вологодскими ротами отряд из трех капральств пехоты и 200 казаков и мещеряков, который, однако, воротился назад, принужденный к этому возмущившимися башкирами; почему Кирилов послал другой отряд тоже из трех капральств пехоты и 300 казаков и мещеряков, который в 300 верстах от Уфы соединился с вологодскими драгунами и около 10 июля вместе с ними прибыл к Кирилову, получившему другое неприятное известие, что башкиры напали на провиантский обоз, следовавший из сибирских слобод к Верхнеуральской пристани, отбили и разграбили сорок возов, а оставшее держали в осаде при озере Карагайском, где ныне станица Карагайская. Кирилов послал отряд на выручку обоза, но он уже был отбит подполковником Арсеньевым, высланным из сибирских слобод, и благополучно доставлен к пристани.

Между тем, в отряде Кирилова, не доходя еще устья реки Орь, оказался недостаток в провианте; надежда была лишь на обоз, который должен был прибыть на реку Орь ранее отряда; но 6 августа отряд пришел на устье Ори, а обоза, задержанного башкирами еще не было, и до прибытия его люди довольствовались излишне взятым провиантом служилых мещеряков и лошадиным мясом. Наконец, 15 августа был заложен город Оренбург. Вскоре по заложению его Кирилов отправился в Уфу, полковника Тевкелева послал в сибирские слободы для заготовления провианта, а в новом городе оставил полковника Чемодурова с сильным гарнизоном.

В том году зима началась рано, в начале сентября, и потому как полковник Тевкелев, так и Кирилов с командами с большим затруднением дошли до сибирских слобод и Уфы. В новом городе провианта было мало и могло достать только до половины декабря. Наступила зима, а высланный с провиантом обоз не приходил. Он был разграблен башкирами. Для отвращения голода полковник Чемадуров по приказанию Кирилова отправил более 800 человек на Верхнеуральскую пристань, где был запас хлеба, но отряд этот сделал в три дня 30 верст и за сильными морозами воротился назад, причем до 150 человек познобили члены, пять человек замерзли. Полковник Чемадуров снова отобрал 773 человека, дал им провиант по 13 декабря и отправил по реке Урал в Сакмарский городок. Эта командировка была еще несчастнее первой: в ней от недостатка провианта и сильных морозов умерло более 500 человек и только 200 дошли до Сакмарского городка, в числе которых 80 были с отмороженными ногами и руками. Такими-то обстоятельствами сопровождалось построение города Оренбурга, второго русского поселения на реке Урал и третьего на окраине Европы, в пределах нынешней Оренбургской губернии, где с 1725 года существовал только один Сакмарский городок, построенный уральскими казаками с дозволения правительства с целью не допускать киргиз и каракалпаков проходить внутрь России на Самару, Алексеевск, Сергиевск, Шешминск и Уфу, куда в случае появления больших скопищ неприятеля казаки должны были посылать известия.

После испытанных затруднений в продовольствии города Оренбурга обеспечение его в этом отношении сильно озабочивало Кирилова, тем более, что бунт башкир, несмотря на присутствие значительного числа войск, бывших под началом казанского губернатора генерал-майора Румянцева, и суровые меры Кирилова. Стараясь найти возможность обеспечить на будущее время в продовольствии г. Оренбург не со стороны только сибирских слобод, статский советник Кирилов узнал, что верховье реки Самары находится недалеко от реки Урал и Сакмарского городка и что от последнего недалеко существует казачий тракт на город Самару.

Между тем 11 февраля 1736 года даны были именными Высочайшие указы статскому советнику Кирилову, которыми, между прочим, велено было и в Табынск к назначенной одной роте другую роту прибавить да тут же учредить служащих мещеряков, охотников и казаков и ссылочных до 300 человек, и земли, и угодий отвести им против поселенных на Уфе и других тамошних местах. Уфимских новокрещенных за их верную службу определить в службу казацкую и служить им по Мензелинску и другим строящимся новым городкам, а ясак с них снять. О строении вновь городков для свободного к Оренбургу проезда караванов и обозов и лучшего содержания башкирской и бухарской стороне (так называлась киргизская степь) в надлежащем подданстве: селить по своему усмотрению отставных драгун, солдат, матросов с свободными паспортами, кто пожелает быть паки в службе и селиться в Оренбурге и других тамошних новых местах. Таковых, где случай дозволит, принимать позволяется и по приеме отправлять в те места и селить, определяя им земельные участки от 20 до 30 четвертей на семью и на проезд, и на обселение ссуду деньгами и хлебом давать от экспедиции по усмотрению пути и времени, покамест от собственной своей пашни пропитание получают, а ружье и амуницию таковым раздавать из отборной от полков, иные в городах из цейнгаузов и магазинов. Для поселения в Оренбурге и других городах легких войск принять охотников из яицких казаков до 500 человек да из сибирских ближних городов казачьих и дворянских детей, не верстанных и не положенных в подушный оклад до 1000 человек и из служилых уфимских мещеряков и при поселении дать им на строение домов денежного жалованья против волжских казаков; а впредь для их содержания под селения и под пашню отвести им земель и прочих угодий против того, как давано уфимским дворянам и казакам, только оных мещеряков во всех местах селить между русскими. Крайних сибирских, также и в Течинской слободе из крестьян, записать в казаки охотников до тысячи человек и употребить их в разъезды по Тоболу и Ишиму рекам и до Иртыша в осторожность от зюнгорских калмык и кайсаков и по-

душный за них оклад платить из Оренбурга и за оных, выбранных для разъезда, по окладу, сколько будет по расположению вместо них брать из сибирских недорослей казачьих детей, живущих праздно.

Кроме того, велено было данную в 1734 году привилегию о беспошлинной торговле с 1736 года продолжить на шесть лет; а для умножения в новых местах русских людей вместо Сибири посылать к статскому советнику Кирилову ссылочных, из которых годных определять в службу нерегулярную, других на пашню; третьих – «за тяжелья вины и к воздержанию ненадежных в шарты определять», а из лишних по-прежнему отсылать в Сибирь, на казенные заводы. Велено было также, «когда время позволяет, заводить пашню и хлеб солдатами и драгунами, ибо работа временная и иметь из того расход в даче месячные на них же и на жен и детей».

Пользуясь таким уполномочием, Кирилов поручил тестю своему, флота поручику Бахметьеву, чтобы он прибыл в Симбирск и оттуда немедленно ехал в город Самару, где приготовил бы все необходимое для устройства крепостей и, взяв пристойную команду, следовал бы водой вверх по реке Самара, застраивая на удобных местах крепости, в расстоянии одна от другой в 30 и 40 верстах.

Таким образом, в течение 1736 года возникли крепости: Красно-Самарская, Мочинская, Борская, Елшанская, Бузулукская, Тощкая, Сорочинская, Тевкелев брод или Ново-Сергиевская; а сам Кирилов, отправясь в Сакмарский городок, устроил крепость Чернореченскую и Татищеву, названную сначала Камыш-Самарскою при реке Урал и Переволоцкую в вершинах реки Самара.

В то же время было разрешено указами Кирилова Сакмарского городка старшине Шацкому и казаку Ивану Маслову набирать по 200 человек охотников из уральских казаков, мещеряков и других иноверцев, казачьих и дворянских детей и поселиться со станицами: первому – по р. Берда, а второму при урочище озер, где и возникли Бердская и Верхне-Озерная крепости. Этими же указами объявлялось, что будут строиться городки и позади всего башкирского и русского жилья, и что лица поименованных выше званий – подлинные казаки, и

не положенные в подушный оклад уфимские иноверцы могут селиться по Московской дороге, от Оренбурга до Алексеевска и Течинской слободы, «где кто удобныя и довольныя к жилью места знает». Велено было обнадеживать, что не только земли и всякие угодыя «с удовольствием дадутся, но и на первое обселение ссуда против волжских казаков по 12 рублей на семью, а впредь за службу годовое жалованье по 5 рублей да хлебом – ржи и овса пополам – по 5 четвертей», что представится торговать водкою, вином, пивом и табаком с платою акциза и с проезжающих, всякого звания военных и статских чинов, купечества и ремесленников, определится достойная плата за ночлег и за сено, а за подводы и конвоирование поверстные деньги.

Садчикам предписывалось указы эти всегда иметь при себе, а копии с них оставлять, где найдут нужным; о набранных же подавать росписи для рассмотрения и определения в казаки. Кроме того, самим Шацкому и Маслову обещано, что они будут произведены станичными атаманами.

В 1736 же году заведена еще крепость Красноуфимская, в которой поселено в казаки 103 человека из сходцев.

Новые крепости обносились валом и рвами, следы которых в некоторых местах сохранились до сих пор, а также рогатками, тыном и двойными плетнями с глиною в промежутках или укреплялись другими способами, сообразно с местными средствами и по усмотрению ближайшего начальства; крепости снабжались пушками и гарнизонами из драгун и пехотных солдат. Благодаря приведенным распоряжениям и обещаниям крепости быстро возникали одна за другой и заселялись успешно казаками и разными сходцами, которые тоже записывались в казаки.

В начале 1737 года Кирилов умер от чахотки. Со смертью его устройство крепостей приостановилось, потому что назначенный на место Кирилова тайный советник Татищев прежде всего считал нужным заняться устройством администрации края... По прибытии в Мензелинск Татищев собрал совет, в котором участвовали командовавший войсками генерал-лейтенант Соймонов, уфимский воевода Шемякин, полковники Бардакевич и Тевкелев

с прочими штаб-офицерами. На совете положено было край разделить на две провинции: Уфимскую по сю сторону Урала и Исетскую по другую сторону Урала с назначением Уфы и Челябинской крепости местом пребывания провинциальных канцелярий, а главное — управление края, называвшееся сначала Известной экспедицией, переименовать в Орен-

винцы и киргизы, и отправил первый русский караван с товарами на сумму до 20 тысяч рублей; но караван этот, не дойдя до Ташкента на два дня пути, был разграблен киргизами Большой орды.

В начале 1739 года Татищев был отозван в Петербург, а на место его был назначен генерал-лейтенант князь Урусов. По вступлении

*Из истории Оренбуржья.
Худ. А.В. Масловский*

бургскую Комиссию. В то же время место, избранное для постройки г. Оренбурга было признано несоответствующим целям правительства по отдаленности и пустынности местности; почему и избрано другое, при урочище Красные Горы, о заложении на котором вновь города Оренбурга представлен проект, а впредь до устройства проектированного города управление Оренбургским краем оставлено в Самаре... В 1738 году Татищев из года Самары отправился на устье реки Орль для осмотра воздвигаемых по указанию его предместника укреплений и по пути заложил крепость Губерлинскую. В Оренбурге Татищев оставался до сентября месяца, учредил там ярмарку, на которую могли бы приезжать ташкентцы, хи-

его в управление краем приостановившееся заведение новых крепостей продолжалось с прежнею деятельностью, и в 1839 году были построены крепости Карагайская, Уйская, Степная, Петропавловская, Чебаркульская и Еткульская.

В следующем году были сделаны приготовления к устройству города Оренбурга на урочище Красные Горы, который в 1741 г. и заложен, а построенное на устье р. Ори поселение названо Орскою крепостью. С князем Урусовым (из-за башкирских бунтов) в мае месяце 1739 года прибыло в Оренбургский край до шести тысяч регулярных и нерегулярных войск, которые остановились лагерем в вершинах реки Сакмары, при озе-

ре Талкас. Благодаря принятым Урусовым и Соймоновым энергическим мерам только в 1740 году установились порядок и спокойствие, нарушаемые почти девять лет, с 1728 года до тех пор, пока не были проведены линии Сакмарская, Оренбургская и Уйская с устройством на них крепостей и с водворением на них оседлого военного населения, ядром которого были казаки самарские, уфимские и исетские, усиленные причислениями к ним охотников из яицких и сибирских казаков, казачьих и дворянских детей, новокрещенных иноверцев и крестьян крайних сибирских и теченских слобод, а также отставных драгун, солдат и матросов... По удостоверению Рычкова, известного знатока Оренбургского края, пограничным жителям в 1728 году велено, чтобы «они имели ружье, какое кто получить может и во время вешнее и летнее, когда полевая работа настанет, выходили бы немалыми собраниями с ружьем и содержали отводные караулы, чтоб нечаянно в неприятельские руки не впадали, как оные, малыми партиями нападая на работающих, в полон брать обывкли»...

В июле 1741 года князь Урусов помер от цынготной болезни, и в управление краем вступил командовавший войсками генерал Соймонов, который на пререкания с вице-губернатором Аксаковым и в разборе жалоб башкир потратил все время до назначения в 1742 году правителем края тайного советника Неплюева, деятельности которого край весьма много обязан.

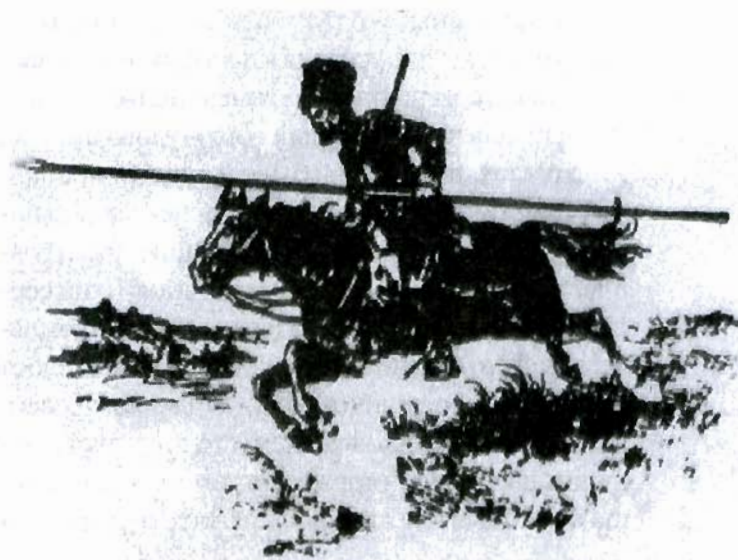
Еще в 1739 г. по представлению Татищева императрицей Анной Иоанновной дан был указ о переселении с Закамской линии ландмилицких полков. Урусов полагал поселить их по реке Сакмаре, начиная от вершин ее, для чего и назначил 9 мест для селений, в которых ландмилицкие полки, прикрытые крепостями по Уралу, могли бы заниматься хлебопашеством и сельскими хозяйствами, но Неплюев признал эти поселения ненужными и при следовании в июне 1742 г. в Оренбург из крепости Переволоцкой послал Шешминского драгунского полка подполковника Буткевича для заготовливания на Сакмаре леса только в двух местах, на которых в сентябре месяце того же года заложены

крепости Пречистенская и Воздвиженская. В этих двух крепостях поселены были весь Шешминский ландмилицкий драгунский полк и две роты Алексеевского ландмилицкого полка. Остальные же ландмилицкие драгунские и пехотные полки были размещены по крепостям Самарской и Оренбургской линий. Шешминский полк поселен только в двух местах в недалеком друг от друга расстоянии и всего верстах в 50 от тогдашнего Оренбурга, в тех видах, чтобы в случае надобности полк можно было скоро собрать и употреблять его, как резерв. Тогда же была заведена крепость Рассыпная, в которой поселено до ста семейств малороссийских черкас, для набора которых по указам 1739 и 1740 гг. посылались в Малороссию Алексеевского ландмилицкого полка капитан Качалов, принявший в казаки 209 семейств; но они к службе казачьей оказались неспособными, так что в 1743 году в Рассыпной крепости с жнитва их захвачено киргизами в плен 82 человека мужчин и женщин. После этого погрома черкасы как поселенные в Рассыпной, так и в крепости Татищевой и Чернореченской жить там не пожелали и потому были отпущены, кто на реку Кинель, внутрь линии, а кто обратно в Малороссию.¹

П. Авдеев

(Продолжение следует)

¹ ГАОО, ф. 96, оп. 1, № 133.

Илецкая Защита

30 января
1844 года

Илецкая Защита. Гора Маячная.
Худ. А. Чернышев

По получении сюда радостного известия об обручении Ея Императорского высочества Великой Княжны Александры Николаевны с Его Светлостию Принцем Фридрихом Гессенским совершенно было благодарственное молебствие Господу Богу. Небольшое общество господ чиновников в доме управляющего Илецким соляным промыслом возгласили тост за благоденствие Их Императорских Величеств и всего августейшего Дома, расположились ознаменовать день обручения делом посильного благодеяния на пользу бедных и приветствовать для того на бал вечерний с семействами к господину управляющему встретили у него приготовленный заблаговременно к настоящему торжеству благородный театр, составленный из семейств первенствующих здесь чиновников. Этот новый для пустынной Илецкой Защиты опыт без руководства знатоков театра, из одного лишь усердия к доброду делу возводившийся, совершился без замешательства с желаемым успехом и возбудил общее удовольствие; в антрактах пьесы петы были лучшие и приличнейшие романсы, а в заключение спектакля вышли на сцену все благородные девицы, участвовавшие в театре, и воспели хором столь близкий сердцу русскому гимн «Боже, Царя храни». Акомпанемент фортепиано сопровождал нежные голоса певиц, и господа чиновники, умиленные совершенно новым здесь явлением, столь соответствующим настоящему торжеству, тем усерднее спешили каждый вложить посильную лепту на дело

благодеяния. Собранная таким образом сумма денег поступила в пособие бедных здесь, в Илецкой защите, а 25 рублей серебром отправлены в Уфимский попечительский комитет о бедных на его распоряжение. Вечер продолжался танцами, крепость была иллюминирована, а к ликованию народному пущен был фейерверк и блистало вензелевое имя Богословенного (т.е. Императора Николая I).

К театру и на вечерний бал приглашены были некоторые из кочующих вблизи султанов и биев киргизских с семействами. Очарованные театром и музыкою, они с дикостию следили пьесу, но музыка и пение, размягчая грубые чувства их, производила в них восторг до иступления. Итак, за рубежом Европы, в пустынных стенах киргиз-кайсацких, является благотворная звезда просвещения в защите Илецкой, охраняемой бдительным войском здешнего края. Ликует Россия радостию Царя-отца посреди народа дикого, в пустыне, недавно страшной, людей с тем же спокойствием, как и внутри России и с теми же чувствами, какие блещут в сердце каждого россиянина. (ОГВ, 1844 г., № 11)

Приход посёлка Перовский

Перовский приход состоит из пяти поселков – Перовского, Красноярского, Михайловского, Ханского и Прохладного.¹

Поселок **Перовский**, отряд Оренбургского казачьего войска, в 45 верстах от Оренбурга, на берегу незначительной речки Донгуз, недалеко от его истоков. В первое время, когда образовался поселок, вокруг него были большие озера, так называемая Донгуз-речка непроточная. Хороша была в ней рыба. Потом озера все были завалены скотиной и пашнями, так что проходит мимо Перовского один ручеек. Поселок основан в 1859 году, свое название он получил во имя графа Перовского, бывшего Оренбургского генерал-губернатора, командующего войсками. Жители поселка – казаки, по большей части перешедшие из станиц Краснохолмской, дворов пять – из других станиц. Помимо коренного казачьего населения в поселке насчитывается до 20 дворов разночинцев-мещан и крестьян, которые не пользуются ни сенокосными, ни пахотными землями. Во всем поселке вместе с разночинцами до 120 дворов, в коих обитает более 600 душ, мужского пола – 320 и женского – 356. Поначалу в поселке не было церкви, а был лишь молитвенный дом. В 1864 году церковь построили. Но она была мала, поэтому ее продали в 1891 году и построили более вместительную (до 500 душ). В строительстве церкви оказывали помощь купцы, которые в то время арендовали у перовцев землю. Служат в ней священник Евладов и псаломщик Покровский. Церковно-приходской школы в поселке нет, но есть казачьи училища, мужское с 1870-х годов и женское с 1896 г. В мужском учитель – казак Зырянов, а в женском учительница – дочь священника Елизавета Евладова, окончившая курс в Оренбургском женском епархиальном училище с правом домашней учительницы. В мужской школе 43 ученика, занятия в ней всегда начинаются со 2 октября и продолжаются до последних чисел марта. В женской школе 20 воспитанниц, занятия здесь начинаются с того же времени, а заканчиваются на две недели позже. В поселке грамотных прибавляется

все больше и больше, но все же их меньше, чем неграмотных совсем. Выдающихся событий, которые бы передавались из рода в род, здесь нет.

Красноярский поселок, в 18 верстах от Перовского, получил свое название от красного оврага, не вдалеке от которого он расположен. В нем только 30 дворов казачьего населения. Жителей же всего 260 человек (120 мужчин и 140 женщин). Все тамошние жители переходцы из Городищенской станицы. Стоит Красноярский на небольшой речке Бердянке, которая у поселка спущена и течет мелко. Церковь (полупланок) во имя Михаила Архангела построена в 1888 году купцом Щербановым. Утвари и ризницы в ней достаточно. Школа в поселке – соединенная казачья, деревянная, удобная. В ней занимается около 35 учеников. Учитель – казак Соснин, живет на частной квартире, оплачиваемой жителями; жалованья получает 50 руб. и пшеницы 50 пудов в год. Число грамотных в Красноярском с каждым годом заметно увеличивается.

Поселок **Михайловский**, в 10 верстах от Перовского, также расположен на речке Бердянке. Заселяться начал с 1870-х годов, дворов в нем около 40. Название свое получил от имени князя Михаила Долгорукова, которому когда-то принадлежала эта земля (?). Крестьянские нарезки небольшие, недостаточны для хлебопашества. Прибавки жителей не предвидится, так как казна не нарезает земли, так что переселенцам, приехавшим в прошлом году, чтобы остаться в Михайловском навечно, пришлось покинуть поселок за неимением земли. Школа здесь министерская, открыта в 1890 году, помещается в частном доме. Заботами управляющего конно-казенным заводом, который расположен в 3-х верстах, в поселке строится школа и церковь на казенный счет. Значительную помощь в их постройке оказывает о. Иоанн Сергеев, протоиерей Кронштадского собора² – уже прислал две ризы в 200 рублей.

Ханский поселок – из 10 дворов, расположенных против Михайловского, на другом берегу речки Бердянки. В прошлом здесь был кор-

дон – это отдельный большой дом, здесь помещалось несколько всегда готовых на борьбу с врагом казаков, которые охраняли пределы Оренбургской губернии от нападения диких народов – киргизцев. Поселок стоит около большой горы, где был похоронен один из киргизских ханов. В результате удачной борьбы с этим ханом и победою над киргизцами, казаки и назвали свой поселок Ханским. Школы здесь нет. Состоятельные жители отсылают своих детей в соседнюю михайловскую школу и платят за право обучения учителю.

Прохладный поселок отстоит от Перовского в 12 верстах, населен казаками, из коих 15 дворов православных, 40 – раскольников-беспоповцев, татарских дворов – 20. Предание говорит, что поселку Прохладному дала название жена того хана, который похоронен на горе; будто бы она каждое лето проживала в Про-

хладном, так как он расположен в самом ущелье большой горы, среди леса на небольшой речке. Раньше здесь был кордон, дом тот сохранился. Здесь есть и казачья школа, в ней – от 15 до 20 учеников; содержится на средства жителей, жалованье учителю – 50 рублей и пшеницы 50 пуд. Грамотных в Прохладном больше, чем неграмотных.

¹ Из четырех поселков бывшего Перовского прихода ныне на карте Оренбургской области остались только два – село Перовка (в верховьях речки Донгуз) и село Михайловка (у истока речки Бердянки).

² Иоанн Ильич Сергеев, св.прав. Иоанн Кронштадский.

³ ГАОО, фонд 173, опись 3, дело 5262. Список населенных мест по сведениям 1866 г. СПб., 1871 (XXVIII, Оренбургская губерния, Оренбургский уезд, стан 4, по границе с Киргизской степью Оренбургского ведомства).

Храм Святой Троицы в Бузулуке

1838 года июня 29 дня, в день св. апостолов Петра и Павла, был положен краеугольный камень в основание нашего нового каменного храма Св. Троицы. Закладка была произведена покойным протоиереем нашим Василием Тихомировым. План и фасад церкви новейшей архитектуры. Длина ее 19 сажень, ширина 9, а высота колокольни (с крестом) 21 саж. и 1 арш. Иконостас в новейшем вкусе по белому цоколю; колонны, вся резная работа и рамы икон вызолочены на полимент лучшим червонным золотом. Иконы писаны хотя малоизвестным, но даровитым живописцем Неофитом Тохтаровым. В церкви двое хор – одни в приделе, другие в настоящей. Пол выложен чугуном, крыльца – плитами из дикого жигулевского камня; печи изразцовые; базы и капители наружных колонн из того же дикого камня. Прекрасна внешность этого храма, но еще прекраснее внутренность его! Массивные его своды держатся на четырех столбах, перекинутых арками. В куполе – голубое небо, и на нем – сидящая на облаках Св. Троица: Бог Отец

и Бог Сын, а Св. Дух парит над ними в виде голубя. На сводах, поддерживающих купол, изображены четыре евангелиста: на первой стороне Лука и Матвей, а на левой Иоанн и Марк. В одинаковом с ними размере изображен за престолом на стене Спаситель. Иконостас – я не нахожу подходящих слов для выражения его изящества и великолепия!

Церковь занимает лучшее место в городе на торговой площади, против старого тюремного замка. С колокольни ее виден весь Бузулук и некоторые окрестные селения. Сама же церковь по оренбургскому почтовому тракту видна за 25 верст, а по сибирскому – за 35. Храм этот строился, отделялся и приводился к окончанию в течение 9 лет. На сооружение его со всеми принадлежностями было употреблено суммы свыше 40000 руб. серебром. План и фасад, составленные академиком Лангвагеном, выполнены в точности и с примерною прочностью. Немного насчитается подобных церквей во всей нашей губернии. Словом, этот храм есть слава и украшение Бузулука.

Текущего 1847 года в тот же день Св. Первоверховных апостолов Петра и Павла суждено было этому храму и освятиться. Освящение совершено было со всевозможным великолепием и пышностью самим Преосвященным Иоаникием, Епископом Оренбургским и Уфимским. Освящение совершилось в воскресный и первый день местной петровской ярмарки. Оно началось тем, что в приделе Архистратига Михаила была отслужена ранняя обедня, за которою и последовало освящение, а потом в новоосвященном уже храме служилась и Литургия, в конце которой местный священник и ревностный строитель этого храма Иоанн Гиляровский сказал слово на текст: «Господи возлюбих великолепие дому Твоего и место селения славы Твоя». Стечение народа было многочисленное: не только жители Бузулука, его уезда, Уфы, Оренбурга и других мест нашей губернии, но и жители Симбирска, Самары и других городов присутствовали при этом высоком торжестве.

Из вещей и других принадлежностей этого храма по своей ценности, красивой отделке или

по другим каким-либо качествам особенного внимания заслуживают следующие: два Евангелия с серебряными досками, каждое по 100 руб. серебром, сосуды серебряные, позлащенные в 200 и 150 руб., дарохранительница в 200 руб. сер., люстра о сорока подсвечниках в 466 руб. сер., два колокола во 110 пуд. – дар покойного коммерции советника А.М. Заяшникова. Всех колоколов 11; они весят около 440 пудов. В ризнице находится до 30 пар священнических риз; из них 7 пар из серебряной парчи лучшей доброты, обложенные золотом и серебряным позументом.

Здесь не излишне будет упомянуть и о том, что удельный крестьянин Иван Андреев, расписывавший купол церкви и писавший четырех евангелистов, украшающих своды, за прекрасные свои способности стараниями управляющего Оренбургскою удельною конторою А.И. Манжоса получил доступ в Императорский С.-Петербургский Эрмитаж для дальнейшего образования.¹

¹ *ОГВ. 1847. № 47*

По страницам архивного документа

К истории села Тоцкое

«Об освящении вновь построенной в Тоцкой крепости деревянной церкви во имя Воздвижения Честного Креста Господня»

1763 год. Духовными делами Оренбургской губернии ведала еще Казанская консистория. И на постройку оренбургских церквей, и на их освящение требовалось разрешение из Казани, почему Оренбургское духовное правление, сообщая, что «в Тоцкой крепости вместо обветшавшей вновь церковь Божию построили», но освятить новую церковь без благословения архиепископа Казанского и Свияжского Вениамина «Правление смелости не имеет». В августе 1855 года указом из Консистории оренбургскому духовному правлению было дозволено освятить церковь, но прежде освидетельствовать, «правильно ли та церковь построена и святые иконы точно ли поставлены и тако ж и престол пропорционально ль... и надлежащим церковным благо-

лепием убрана ль, то есть сосуды серебрянные, а по самой необходимой нужде хотя и оловянные, из чистого олова сделанные и алтарные одежды и служительские облачения хотя ж шелковые имеются и книгами всего церковного круга удовлетворено ль». При выявлении наличия всего указанного в предписании разрешалось «в Тоцкой крепости Самарской нижней дистанции вновь построенную церковь во имя Воздвижения Честного Креста Господня освятить соборне, как новоисправленные уставы повелевают». Рапорт о получении разрешительного указа об освящении новой церкви в Тоцкой крепости был получен 27 октября 1763 года.¹

¹ *ГАОО, фонд 172, опись 1, дело 2835*

А. Чернышев (1824-1863). Шарманщик. 1852.
Холст, масло. 41,2 x 40,4. Третьяковская галерея. Москва

В предыдущем номере «Оренбургской старины» читателю представлялась подборка биографических материалов об оренбургском художнике Алексее Чернышеве (1824-1863), стипендиате губернатора Перовского, и ряд его графических рисунков на местные сюжеты: виды города Оренбурга, национальные типы, киргизская школа, интерьеры ее классов и спальни, воспитанники и виды их школьной одежды, портреты известных оренбургских деятелей, в том числе копию с его малоизвестного рисунка «Карл Брюллов в академическом классе».

Трагическая судьба оренбургского самородка вызвала у читателей интерес к творчеству первого профессионального художника нашего края. Предлагаемая ниже статья из календаря «В мире прекрасного» (1986 г.) и иллюстрация его картины «Шарманщик» несколько расширяет наше знакомство с замечательным оренбургским художником сер. XIX века, мастером зарождавшегося в русском искусстве бытового жанра.

Истинный и симпатичный талант

*Р*усский художник Алексей Филиппович Чернышев прожил недолгую жизнь. Несколько картин, рисунки – вот все, что он успел создать. Может быть, в этих работах даже не успел полностью раскрыться его «истинный и симпатичный талант, полный – по словам В.В. Стасова – юмора, наблюдательности и правдивого чувства».

Все наиболее значительные картины Чернышева написаны им в первой половине 1850-х гг. В это время в русской живописи уже утвердился бытовой жанр. А.Ф. Чернышев воспринял от Венецианова «бесхитрое воззрение на натуру», интерес и любовь к своим персонажам. На картинах Чернышева «Рынок в Петербурге» и «Уличные музыканты» столица предстает не в парадном облике мраморных дворцов и широких проспектов, а как город рядовых его обитателей.

В чем-то продолжая своих учителей и предшественников, он вместе с жанристами середины XIX века подготовил появление критического, социально заостренного искусства Перова, Савицкого, Маковского и Репина.

В своих картинах Чернышев не анализирует глубоко современную ему действительность, не выносит ей приговора. Но его правдивое искусство все равно является документом эпохи, раскрывает какую-то сторону общественной жизни России того времени.

Одна из лучших работ А.Ф. Чернышева – «Шарманщик». Картина словно является иллюстрацией к «Петербургским шарманщикам» писателя Григоровича. Вспомним, с какой симпатией рисуется там один из неперменных участников столичных ярмарок и увеселений: «Звучки то заунывные, то веселые вырываются из инструмента, оглашая улицу, между тем как взо-

ры хозяина внимательно устремлены на окна домов; он прислушивается к малейшему крику, зову, и едва встречает приветливый взгляд, как тотчас ставит свою шарманку и начинает играть лучшую пьесу своего репертуара».

Героя картины Чернышева тесным кольцом обступила любопытствующая публика. В толпе особенно выделяется фигура мальчика-подмастерья. Он увлечен созерцанием жалкой обезьянки в ярком мундире, сидящей на шарманке, и не замечает, что тарелка его вот-вот опрокинется – и тогда мальчика ждет, быть может, жестокий нагоняй от хозяина...

В. Кулаков

Тема посещения Оренбурга Пушкиным осенью 1833 года нашла свое наибольшее развитие в периодической печати в год столетия русского гения. В 1899 году появилось немало исследовательских работ, заметок, статей мемуарного характера. Как ни ценны воспоминания о Пушкине писателя Владимира Ивановича Даля, служившего в 1833 году в Оренбурге чиновником по особым поручениям при военном губернаторе Перовском, они слишком «осторожны» относительно описания и деталей пребывания поэта, и его окружения в Оренбурге. Всего два конкретных лица – «В.Ал. Перовский и инженер-капитан Артюхов» – названы им. Потому с таким интересом была воспринята оренбуржцами небольшая статья о встрече Пушкина с казаками в Бердах. Воспоминание это появилось в «пушкинском» выпуске «Трудов Оренбургской ученой архивной комиссии». Автор его был непосредственным свидетелем встречи, к тому же – молодой человек, находившийся в плену обаяния гениальной личности. Написал он их под впечатлением великого события в русской культуре – открытия в Москве в 1880 году знаменитого памятника Пушкину (скульптор А.М. Опекушин). Спустя почти полстолетия воспоминания его были так свежи, как происходящие накануне. Не отрывая взгляда от всеобщего кумира читающей России, жадно вглядываясь в каждую черту его лица, одежды, жестов, он на всю жизнь запомнил все до мельчайших подробностей, что, к сожалению, лишило его способности также детально воспроизвести сам разговор поэта с казаками.

Автор представляемой ниже статьи – московский купец Николай Андреевич Кайдалов (1817 – не ранее 1880). Он доводился племянником известному в оренбургской истории ростовскому (впоследствии московскому 1-ой гильдии, в 1850-х гг. оренбургскому 3-ей гильдии) купцу Евграфу Саввичу Кайдалову.

Уже в 1831 году имя «купеческого сына» Николая Кайдалова встречается на страницах оренбургских архивных документов, т. е. с Оренбургом он познакомился раньше Пушкина. Будучи еще в 14-летнем возрасте, он уже принимал участие в торговых делах отца Андрея и дяди Евграфа Саввичей Кайдаловых. Симпатично то, что молодой купец был не только грамотен, слышал имя знаменитого поэта, но зачитывался им, благоговел перед ним.

Воспоминания купца Кайдалова о Пушкине

Торжество открытия памятника незабвенному нашему поэту Александру Сергеевичу Пушкину вызвало у меня воспоминание о его посещении Оренбурга.

Я, бывши тогда 16-летним юношей, удостоился видеть знаменитого гения. Это произошло следующим образом.

В 1833 году я находился по делам торговым в Оренбурге у дяди своего и жил на квартире у вдовы Гребенщиковой, сын которой сотник Оренбургского казачьего войска Иван Васильевич Гребенщиков был начальником станицы или села Бердо, отстоящего от Оренбурга в 7-ми верстах. В этом селе во время оно жил Пугачев, когда осаждал Оренбург.

Осенью 1833 года приехал в Оренбург Александр Сергеевич Пушкин для собирания сведений о Пугачевском бунте и пожелал посетить Бердо. По этому случаю Иван Васильевич Гребенщиков пригласил меня посмотреть на Пушкина. Я с радостью принял предложение, и мы отправились с вечера, чтобы к утру собрать стариков и старух, помнящих Пугачева лично или по преданию от отцов и дедов. Утром (какого числа и месяца не помню) приезжает Пушкин сам-друг, кажется, если не ошибаюсь, с В.И. Далем. Я с каким-то восторгом и трепетом встретил глазами входящего в комнату знаменитого гения.

Он среднего роста, смуглый, лицо кругловатое с небольшими бакенбардами, волосы на

голове черные, курчавые, недолгие, глаза живые, губы довольно толстые. Одет был в сюртук, плотно застегнутый на все пуговицы; сверху шинель суконная с бархатным воротником и обшлагами, на голове измятая поярковая шляпа. На руках — левой на большом, а правой на указательном пальцах — по перстню. Ногти на пальцах длинные лопатками. В фигуре его и в манерах было что-то чрезвычайно оригинальное.

По входе в комнату Пушкин сел к столу, вынул записную книжку и карандаш и начал расспрашивать стариков и старух и их рассказы записывал в книжку. Одна старушка (*Ирина Афанасьевна Бунтова*), современница Пугачева,

много ему рассказывала и спела или проговорила песню, сложенную про Пугачева, которую Пушкин и попросил повторить. Наконец рассказы кончились, он встал, поблагодарил Гребенщикова и стариков, которым раздал несколько серебряных монет, и отправился в Оренбург.

Я так пристально смотрел на Александра Сергеевича, что не обращал внимания на разговоры посторонних, а потому и не могу более сообщить теперь никаких подробностей; зато вот уже более 50-ти лет прошло, а образ Александра Сергеевича Пушкина как теперь передо мной.

Кстати замечу, что он суеверным старикам, а особенно старухам, не понравился и произвел на них неприятное впечатление тем, что, вошедши в комнату, не снял шляпы и не перекрестился на иконы и имел большие ногти; за то его прозвали «антихристом»; даже некоторые не хотели принять от него деньги (которые были светленькие и новенькие), называя их антихристовыми и думая, что они фальшивые. Об этом обстоятельстве сообщил мне Иван Васильевич Гребенщиков.¹

В мире мыслей гения

Александр Сергеевич Пушкин:

Мы в сношениях с иностранцами не имеем ни гордости, ни стыда (1826).

Ныне нет в Москве мнения народного; ныне бедствия или слава отечества не отзываются в этом сердце России (1833).

С удивлением увидел демократию (американскую) в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую подавлено неумолимым эгоизмом и страстью к довольству; большинство, нагло притесняющее общество...

Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим.

Не допускать существования Бога — значит быть еще более глупым, чем те народы, которые думают, что мир покоится на носороге.

Не одно влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего Отечества; воспитание, или лучше сказать, отсутствие воспитания — корень всякого зла.

Не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полущика, да и своя шейка копейка.

Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества.

Нравственность и умеренность — следствие просвещения истинного и положительных познаний.

Устойчивость — первое условие общественного блага (1836).

¹ Первоначально статья была опубликована в «Современных известиях», а затем перепечатана в газете «Оренбургский листок», 1899, № 28. Статью Кайдалова «извлек и сообщил» М.Л. Юдин.

Ташлинские сочинители

*По страницам неизданной рукописи
С. Сорокиной «Оренбургский Парнас»*

В предыдущем, первом, номере «Оренбургской старины» читатель познакомился с первой поэтессой Оренбургского края – Ольгой Павловной Крюковой (1813-1885), уроженкой Илецкой Защиты, ныне г. Соль-Илецк. Начала она публиковаться еще в пушкинское время. Мاستитые критики высоко оценили литературные достоинства первых ее публикаций. «Пушкиным женского пола» называли Ольгу Крюкову за легкую, парящую рифму и поэтическую образность ее стихов. И в поэзии, и в прозе до конца своей длительной творческой деятельности она использовала сюжеты из истории своей незабвенной степной родины. Первая оренбургская поэтесса... А кто же из представителей сильного пола первым поднялся на оренбургский Парнас? Произошло это культурное явление задолго до рождения Ольги Крюковой.

Биография первого поэта нашего края, Николая Ивановича Тимашева, с начальных ее страниц «пропитана литературностью». Родился он 26 мая 1755 года (день в день с гением русской поэзии, Александром Сергеевичем Пушкиным, с разницею в 44 года). Начало его жизни типично для дворянского недоросля своего времени. Он современник Петра Андреевича Гринева, главного героя повести Пушкина «Капитанская дочка». (Кстати, в семейной переписке Тимашевых встречается фамилия пушкинского героя – подполковника пугачевских времен Петра Борисовича Гринева). Николай Иванович Тимашев мог начать повествование своей жизни также, как его «литературный двойник», строками первой главы

«Капитанской дочки»: «... Нас было девять человек детей. Все мои братья и сестры умерли во младенчестве. Матушка еще была мною брюхата, как я уже был записан в Семеновский полк сержантом по милости... близкого нашего родственника. Если бы паче всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы кому следует о смерти нежившегося сержанта, и дело тем бы и кончилось. Я считался в отпуску до окончания наук...».

Точно то же присутствует и в реальной биографии Н.И. Тимашева, о чем говорят сохранившиеся «отпускные паспорта», выданные ему штабом Лейб-гвардии Семеновского (!) полка, начиная с 1759 года (служилому нет еще и пяти лет), по указам царей и цариц последо-

вательно – Елизаветы Петровны, Петра Федоровича, Екатерины Алексеевны.

Отец его, Иван Лаврентьевич, был среди первых офицеров, прибывших на пустынные берега Урала в 1740-х годах. В составе своего ландмилицкого полка он принимал участие в возведении, заселении и охране первых крепостей на реке Сакмаре. Как и другие служащие дворяне, он получил землю в новой губернии, потом прикупал к ней у башкир-вотчинников большие участки. На этих землях основал он два села – Никольское, Тимашево тож, на реке Сакмаре и Покровское, Ташла тож, ближе к границе с Башкирией с четырьмя деревнями (Ивановка, Городки, Троицкое и Ключи). Перевел в новые поселения крестьян из центральных губерний. Эти хлеборобы и стали первыми местными кормильцами городских жителей нового края. Край в то время был необжитой. Военные люди претерпевали многие невзгоды. Особенности испытания выпадали на долю семейных офицеров, кочующих по крепостям новой Оренбургской пограничной линии. В связи с этим многочисленные сестры и братья Николая Ивановича умирали еще во младенчестве. Отец его дал обет, что построит церковь в первом своем оренбургском селе во имя того святого, имя которого будет носить выживший ребенок. Так появилась в селе Тимашево Никольская церковь, да и само село стало называться Никольским.

Реальная служба 18-летнего поручика Николая Тимашева началась, как и у Петра Гринева, с самого начала пугачевщины. Осада Оренбурга, участие в военных действиях полевой команды, тяжелая длительная болезнь, встречи с выдающимися полководцами, в том числе с Суворовым, отставка от военной службы в 1778 году и переход на статскую – все это факты биографии первого оренбургского поэта. С 1779 года он «вступил в должность провинциального прокурора» и надолго поселился в Уфе. (В Уфе находились все гражданские учреждения Оренбургской губернии из-за тесноты и недостатка места в Оренбурге, окруженном крепостным валом).

К этому времени относится его женитьба на княжне Федосье Петровне Бекович-Черкасской, воспитаннице Тевкелевых. Романтическое похищение невесты Тимашевым описано С.Т. Аксаковым в «Семейной хронике». Рано ушедшая

из жизни Федосья Петровна оставила на руках мужа четверых сынов – Константина (погиб в 1805 году в сражении под Аустерлицем), Василия (погиб в 1813 г. в сражении под Лейпцигом), Егора (участник Отечественной войны 1812 года и последующих заграничных походов русской армии, бывший потом командующим Оренбургского казачьего войска и губернским предводителем дворянства) и Василия (штабс-капитан, умер в 1823 году, похоронен в семейной часовне при церкви с. Никольское, рядом с дедом, бабкой, матерью и отцом; впоследствии здесь же был похоронен и брат Егор).

Николай Иванович в 1792 году вышел в отставку, и поселился в родовом имении в селе Ташла (Покровское), занялся благоустройством всей вотчины, и в первую очередь ташлинской усадьбы, превратив ее вскоре в цветущее дворянское гнездо с прекрасным парком. Собранная им здесь библиотека содержала книги и журналы на разных языках, по огромным ее размерам равных ей не было в крае. Случалось, издали запрашивали у него ту или иную книгу.

К концу XVIII века в среду провинциального дворянства, в том числе и в среду помещиков степных имений новой пограничной с Азией Оренбургской губернии, проникает дух книжной культуры, тяги к чтению, литературному творчеству. Вокруг таких личностей возникает притягательное духовное поле.

В Оренбуржье этот тип культурного помещика нашел свое наивысшее выражение в Николае Ивановиче Тимашеве. С малых лет он имел склонность к литературе вообще и к литературному творчеству в частности. Во время службы в Уфе, он был активным членом кружка «друзей уфимских муз». Стихи свои он не отсылал для публикаций, во всяком случае, под своим именем. Есть предположение, что серия статей из жизни оренбургского края, помещенных в журнале «Вестник Европы» 1810-х годов за подписью Н. Мемашев или Мамашев, принадлежат его перу. (В №1 «Оренбургской старины» даны две его статьи). Стихотворения же свои он адресовал в основном друзьям, дружеской средой их популярность и ограничивалась. Стихи его носят «домашний» характер. Они архаичны, что вполне естественно, если судить по времени их создания.

До нас дошло немного образцов его поэтического творчества. Наиболее законченные из них – посвящения Андрею Васильевичу Запускалову. Этот адресат стихов Николая Ивановича – талантливый человек, происхождением из солдатских детей, дослужившись до чина прапорщика, вступил в стагскую службу заседателем оренбургского уездного суда, где отличался непримиримостью к нарушителям закона. Выйдя в отставку, поселился с семейством своим в ташлинском имении.

Стихотворения Запускалова не сохранились, поэтому вдвойне интересны посвящения к нему Тимашева. Первое из них без даты, носит заголовок совершенно старинного склада: «Стихи похвальные Его Благородию Господину прапорщику, велегласному певчому, трудолюбивому архивариусу, любителю учения и другу муз уфимских».

*О! Муж хвалы достойны
От всех любящих стихотворство;
Твой слог толико вольны
Явит твоё проворство,
И разум, мещущи свой взор на все предметы,
Который погасить твои не могут леты.
Ты шутки с важностью равно изображаешь,
Нещастие свое забавно представляешь:
Взятье в полицию, о кончине сокрушенье,
Треклятельство с буйностью и страсти
искушенья –
Все случаи твои и образ сочиненья
Достойны ото всех особого почтенья,
Вселили в мысль мою писать тебе сие,
Да всяк узрит в Уфе достоинство твоё
И скажет здесь со мной:
Да укрепит Господь сей славный подвиг твой!
В устройство приведя разбросану архиву,
Да строишь ладно ты свою гремящу лиру
И громко воспоешь, управа всех приставов.
Мужайся! – вотию, прехвальный Запускалов!*

Второе поэтическое посвящение (один из основных жанров XVIII века) Николай Ивановича Запускалову красиво оформлено виньеткой на синем листе старинной бумаги – «Стихи на день тезоименитства Его Благородия Андрея Васильевича Запускалова. 1789 года октября 17».

*Сей день мы празднуем блаженного Андрея
За то, что святости достоинство имея,
Он подал случай быть Васильичу Андреем,
К которому мы все почтение имеем
За склад его стихов, за образ изреченья,
За песни сладкие партесного ученья.
Счастливы был остров Крит, где сей святой
родился,
Счастлива та страна, где Запускалов
водворился.
(Падет тут грубая дьячка Ташлы
фистула,
Котора уши нам сим визгом пораздула)
И муза днесь моя в восторге возвещает:
Да век щастливо наш Васильич воспевает!
Забывши Бомгарта и Гримблата архиву,
Настройвай, пиит, по мере свою лиру,
Греми, пиши стихи и пой –
Приятен нам везде и слог и голос твой!*

«Дьячком Ташлы» в данном случае Николай Иванович называет себя, слабого и скучного поэта.

В яркой «литературной родословной» Тимашевых блистают имена первоклассных русских писателей. Помимо уже упомянутых произведений С.Т. Аксакова и А.С. Пушкина, в нее ярчайшей страницей входит переписка на протяжении более чем трех десятков лет с «патриархом русской поэзии» – Гаврилой Романовичем Державиным. Отец Гаврилы Романовича, как и батюшка Николая Ивановича, был жалован за службу землей по реке Кутулуку в Бузулукском уезде.

Служил Державин на высоких государственных постах. Свою оренбургскую вотчину, слишком удаленную от столицы, он навещал редко, считанные разы. Однако, много заботился о ее благоустройстве и увеличении. В последнем его надежды возлагались на Тимашевых. Не раз обращался он к своим оренбургским землякам с тою или иною прозаическою просьбою. Часть переписки с Тимашевыми сохранилась в разных государственных архивных хранилищах (позже она будет опубликована на страницах «Оренбургской старины»).

Переписка Николая Ивановича с Державиным не носила только сугубо прагматического характера. Да это и выглядело бы весьма

странным, учитывая литературные интересы ташлинского помещика. Впоследствии в содержание их эпистолярных отношений войдут литературоведческие факты выдающегося значения.

Как бы ни были привлекательны литературные занятия провинциального помещика, еще большее удивление вызывает, внимание и уважение заслуживает то, что среди крепостных людей Тимашева были не только грамотные и начитанные люди, но истинные писатели, поддерживаемые баринном в своих творческих трудах.

Николай Иванович, имея предков ордынского происхождения, будучи в родстве с татарами, живя в окружении башкир и в нередких сношениях с киргиз-кайсаками, чуткий к литературному творчеству вообще, интересовался устными преданиями своего инородческого окружения. Этому интересу способствовало и его частое уединение в татарской деревне Тамгачи (приданое жены) в тоске по рано упедшей Федосье Петровне и в печали по погибшим сыновьям.

Среди ташлинских грамотеев и книгочеев из дворовых людей особенно выделялся своими способностями дядька сына Василия Тимофей Савельевич Беляев (обратите внимание на отчество дядьки, как у дядьки Петруши Гринева – Савельич). Благодаря литературной одаренности этого ташлинского крепостного, вдохновляемого своим просвещенным баринном, в 1812 году появилось в печати первое в истории башкирской литературы произведение на сюжет из народного эпоса.

Повесть башкирская была переведена и записана Беляевым в 1809 году, а издана хлопотами Николая Ивановича в 1812-м в Казани, в университетской типографии. Знаменитая эта книга первого издания имеет небольшой формат, твердую обложку. Отмечено в ней, что печатать ее дозволено было 16 июля 1812 года (интересно, что это уже в начале войны с Наполеоном). На обложке название – «Куз-Курпяч. Башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним Курайчем и переведенная на российский в долинах гор Рифейских 1809 года». Повести предшествует следующее вступление:

«От переводчика. Живучи между башкирцами, случилось мне прочесть на их языке рукопись под названием: Куз-Курпяч, башкирская

повесть, из которой многие песни слышал я прежде от курайчев (*Из прим. Беляева: курайчи были у башкирцев то же, что в древности у греков песнопевцы, которые до изобретения письменности слагали песни на достопамятные происшествия в похвалу героев своих и передавали оные потомству*). Новость заглавия, особый образ мыслей и выражений, частью обычай их, тут помещенные, а более простота их нравов и бескорыстие показали мне любопытными и заставили меня перевести ее на российский язык.

Не известно, когда она писана; но из приношения сочинителя, которое также при переводе помещаю, видно, что она собрана из песен и изустных преданий поэтом-историком, башкирским курайчем. В нем он говорит, что писал сию сказку в угодность одной особе, любившей башкирцев, которого он называет сыном осмиродца.

Не всякому может быть известен башкирский народ, даже и по названию своему, а особливо по древним своим нравам и обычаям, в которых ныне и сами башкирцы не узнают себя. Почему и надеюсь, что перевод мой найдет хотя немногих любителей отечественной древности, которые пожелают прочесть оный». (*Из прим. Беляева: Башкирский народ покорился Российской державе еще в XVI столетии при царе Иоанне Васильевиче Грозном. С того времени и до ныне пребывает под единодержавием белых падшей, т. е. Российских государей*)

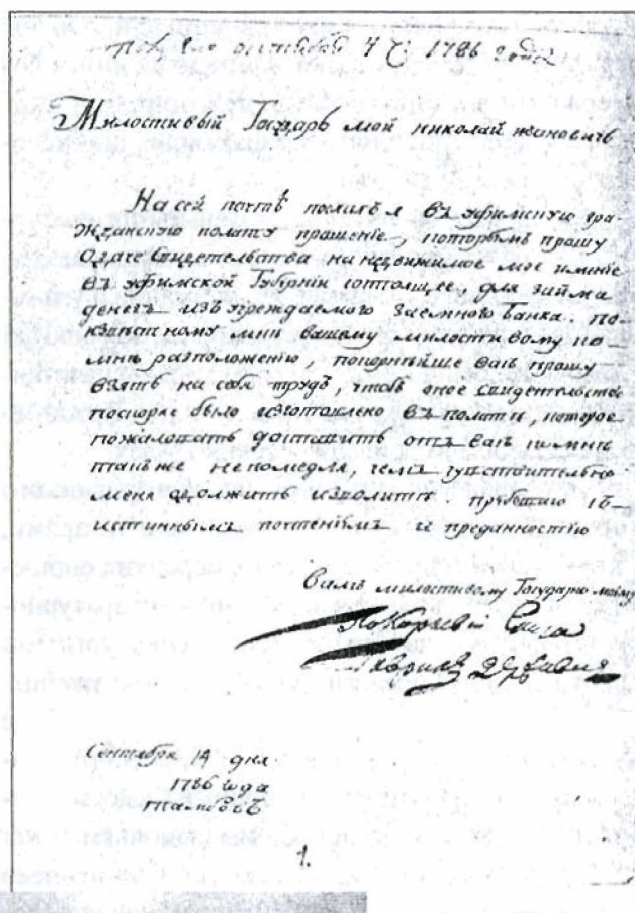
Приношение курайча сыну осмиродца

*Принять не устыдися
Немногие листы!
В них нет ни подлой лести,
Ни низкие хвалы.
Твоей забавы ради
Я повесть написал
Чтоб ты, любя башкирцев,
В свободный час читал
А час один с тобою,
Усердием моим,
Приятно проведенный
Мне радостней весны.
Изустные преданья*

От прадедов собрав,
 Двух батырей деянья
 Писанью предал я.
 Их нравы простодушны
 Не кистью малевал;
 Невинность обнаженну
 Без вымыслов писал.
 Курайчам подражая,
 Где надобно, гудел;
 Башкирцам угождая,
 В иных местах шутил.
 Отцом твоим любимый
 Описывал народ:
 Он другом был народа,
 Народ его любил.
 И большей изъявити
 Не мог ему любви,
 К семи родам причисля,
 Осьмым его назвать.
 Да будет он блаженным
 В селениях аллы;
 Тебе же дар довлеет
 Великого падиши.
 Да радуешься сердцем
 В преклонных ты летах;
 Сыны в благих наследят
 Да деду и отцу!
 Три батыра младые
 На родине своей,
 Как крины сильны в поле;
 Красуясь, цветут,
 Родителю в утеху,
 На верный долг падише;
 Отечеству в защиту,
 На славу, честь себе...
 Да будет тучно стадо
 На пажити твоей... (и т.д.)

В год выхода повести Т.С. Беляева Николай Иванович отправил экземпляр «Куз-Курпяча» Державину, приложив к книге следующее письмо с шутивным на восточный лад обращением: «Почтеннейшему мурзе, Певцу Фелицы, моему древле великому благодетелю, живущий под хребтом Уральских гор осмиродец башкирец здравия желает.

Давно уж и весьма давно отлучился от вас, а что всего прискорбнее, забвен стал вами. В течение осмнатцати лет много претерпел горестей; лишился жены, сына и всех моих любезных,

Ташла

со мною кочующих. Постарел, стал немощен и нахожу только утеху, слушая сказки о башкирских батырях, из коих одну велел написать собствен-

ному моему грамотею, а он, написав, поднес ее мне. Присоветали ее предать титу; в третий год насилу вышла, и то угодно было иное переменить и поместить смысл и слова не похожие на наши, мне жаль стало моего курайчу, которого склад песен переменен. Велел ему выписать то, что по нашему складно, а по ученому не складно, приложив к повести, посылаю вам, моему благодетелю, прочтите и посмейтесь вместе с осмиродцами и напомниме всегда вам преданного покорного слугу Николая Тимашова. 11 декабря 1812 года Оренбург.

К письму Николай Иванович приложил список 14 исправлений цензуры. Эти перемены не только болезненно отзывались в сердцах очевидных соавторов, но они искренно счи-

тали перемену, не свойственной по форме «обычаю башкирцов».

Державин присылал землякам столичные журналы и собственные новые сочинения. Последнее из сохранившихся писем замечательнейшей части эпистолярного наследия в истории нашего края помечено датой: «Мая 29 дня 1814 года». (Интересно, что в тот год, год окончания войны с Наполеоном и взятия Парижа, Державин работал над либретто оперы «Грозный или Покорение Казани»)

В ташлинской библиотеке хранилась копия стихотворения Державина «Развалины Царского Села» (Вот здесь на острове Киприды/ Велюкошесный храм стоял) с интересным примечанием, написанным той же рукой, что и сама копия: «По моему – сначала хорошо, а к концу надобы лутче, там чево нибудь да недостало у творца либо духу либо смелости». (Профессиональная критика из оренбургской азиатчины, но написано не рукою Николая Ивановича.)

Об авторе «Куз-Курпяча», да и о самом произведении, в наше время стало известно благодаря вышеприведенному письму Николая Ивановича к Державину. Письмо это стало так знаменито, что вошло в литературоведческий оборот, десятки раз цитировалось и толковалось в различного рода публикациях, стало предметом многих научных исследований. В 1962 году была даже организована научная сессия, посвященная 150-летию напечатания труда Тимофея Беляева. Благодаря трудам одного из крупнейших современных уральских литературоведов Мурага Галимовича Рахимкулова, «Куз-Курпяч» не только переиздан в наши дни, но и снабжен обширными комментариями, справками, библиографией.

«Беляевская публикация Куз-Курпяча, – писал Рахимкулов, – первое печатное произведение, своеобразными эпическими красками рисующее стародавний патриархальный быт башкир... (впоследствии) о башкирах заговорили крупнейшие русские писатели во главе с Пушкиным». Повесть оказала влияние на творче-

ство оренбургских писателей-этнографов – Петра Кудряшева и Владимира Даля.

Необыкновенно замечательного человека имела Ташла в своем крепостническом прошлом. Беляевы – «старинные» крестьяне Тимашевых, переведенные ими из прежней симбирской вотчины сначала в село Никольское на берегу Сакмары, а потом в Ташлу. Тимофей Савельевич Беляев 1768 года рождения; он гораздо моложе своего барина. У них с женой Марфой Ивановной было трое сыновей и семеро дочерей.

Тимофей Савельевич Беляев (1768-1846) прожил долгую жизнь. Крепостной писатель на четверть века пережил своего барина-наставника и помощника в литературном творчестве.

Большую же часть литературного творчества самого Н.И. Тимашева, помимо стихов и статей краеведческого плана, составляет его эпистолярное наследие. Переписка с Державиным, многочисленные письма, адресованные им жене и сыновьям, губернаторам Г.С. Волконскому, П.К. Эссену и др. представляют несомненный исторический интерес.

Оренбург

Почтеннейшему Муру, Писцу Фелицы, Мещу Сороки Великому алаотитлю, Мшозной подд-христанте Уралскых горс Осирбидеи башкирне урсия Мелетев.

Осло ду и овсом целом отпирала овбай, а ты ессе прискоронат давлене стала вилин. Об-тегити османатцани Агони Мшоза претернеи в Герестонь, Аншлея мени, сына, и восте Мшоза мшозонке саломе Короташихе, постарале, сталт мшозонке, и ншозу таломе Урнеке слшала сканд ни о башкирские батрахе, иже ншоза одну вилея ншозонке собственному Мшозу Уралонитю, а он написале поднес ет Мшоза. присовитати ет пр-сати Мшозу; вт третей годт класну вышина, и то чшозо вилея инос перелитити и полмешити смилев и слова не походяе на Нашея, Мшоза Мало сталт мшозо восте Мшоза, которале слшале посте перелитити: вилея кшоза восте Мшоза, иже ншоза одну вилея ншозонке, приласале кт Повосати Пшозале вилея Мшозу Мшозонке, протитити и посылитити восте с осир-рощали и напоментити восте вилея Пршозонке.

Тимофей Савельевич Беляев

1814

Дворянские гнёзда

Первые дворянские усадьбы нашего края – это имения тех служилых офицеров, которые в составе своих воинских подразделений прибывали в пустынный край возводить и обживать крепости юго-восточной пограничной линии России. Те, кто решился завести свои имения на «порожных» землях, пожалованных им за службу или купленных у башкир-вотчинников, связали свою жизнь с новым краем навечно. Одним из первых помещиков пограничного края (на границе его с обжитой к тому времени Самарской губернией) стал подполковник Пензенского пехотного полка Роман Николаевич Державин, отец известного русского поэта. В числе других служащих, военных и гражданских чинов, Р.Н. Державин получил «от казны 300 четвертей пахотной земли с лесами и прочими угодьями по реке Кутулуку» в Бузулукском уезде. Обустроить свое новое родовое гнездо он не успел. Мать поэта, Фекла Андреевна, после смерти мужа перевела сюда крестьян из нескольких своих небольших имений да плюс приобретенных покупкою. Гаври-

ла Романович, несмотря на свою поэтическую знаменитость и службу на высоких постах, основное обеспечение дорогой жизни в столице получал от оренбургского поместья, поэтому ему приходилось заботиться и об его увеличении, и о развитии в нем подсобных хозяйств. Все имение составляло село Смоленское, Державино тож, с деревнями Романовка, Феклинка, Гавриловка и Екатериновка (по имени первой жены Гаврилы Романовича). Поэт неоднократно навещал свою оренбургскую усадьбу. Показывал он ее и первой жене, Екатерине Яковлевне, рано скончавшейся, и второй – Дарье Алексеевне, к которой по наследству перешло имение после смерти мужа. Обо всем этом подробнее, с использованием архивных документов, мы расскажем в одном из следующих номеров «Оренбургской старины». Предлагаемая ниже статья о державинском селе, вернее о церкви, им построенной и богато украшенной, прислана в газету «Оренбургские губернские ведомости» в 1850 году бузулукским корреспондентом Ивлентьевым.

ОБ ИКОНОСТАСАХ храма Смоленской Богоматери в селе Державино Бүзүлүкского уезда

Село Державино, столь известное у нас иконостасом главного алтаря местного храма Смоленской Божией Матери, составляет редкое и замечательное в крае явление по своей неподражаемой живописи.

Певец Екатерины Великой, ее любимец и статс-секретарь, действительный тайный советник Гавриил Романович Державин, которому принадлежало село Державино с деревнями Гавриловкою (названною по имени самого певца), Романовкой (по имени отца), Феклинкою (по имени матери) и Екатериновкою (по имени первой супруги певца), прислал этот иконостас со всею церковною утварью, вместе с двумя придельными иконостасами

Г. Р. Державин

Е. Я. Державина

престолов в сооруженный им в 1798 году в селе каменный трехпрестольный храм Смоленской Богоматери из Санкт-Петербурга.

На царских вратах иконостаса изображены, как обыкновенно, четыре евангелиста и Благовещение. К державинскому же иконостасу принадлежат лики Иоанна Предтечи, Архангела Гавриила и первомученицы Феклы, внесенной в настоящий храм для украшения.

Лучшими иконами этого храма, по общему приговору, почитаются местные иконы, в особенности четыре из них: Спаситель, Богоматерь, Рождество и Воскресение. Каждая из этих икон ценится более чем в 300 рублей серебром. Чья же гениальная рука начертала эти светлые образы? На этот вопрос мы не можем ответить удовлетворительно. Знаем, однако ж, что иконостас писан в Академии Художеств.

*Село Державино.
Церковь Смоленской Божией Матери
(фото предоставлено А.М. Луниным)*

*Фрагменты сохранившейся росписи
державинского храма*

Г.Р. Державин

Д.А. Державина

Правый придел – во имя святой великомученицы Екатерины. Иконостас этого алтаря весь писан на стекле. Это работа Екатерины Яковлевны Державиной – первой супруги поэта. Наверху этого иконостаса находится дощечка со следующей надписью: «В сем иконостасе все святые образа работы покойной Екатерины Яковлевны Державиной, о которой память да совершится здесь вечно с приношением без крови жертвы Богу на сем престоле». В числе местных икон отличается здесь большая живописная на дереве – икона св. великомученицы Екатерины.

Левый придел – во имя Знамени Пресвятыя Богородицы. Иконы здесь все на кипарисе в серебряных окладах.

На одном из сосудов главного алтаря нашли мы надпись: «1757 года месяца марта 15 дня сей сосуд приложен в поминовение по подполковнике Романе Николаеве сыне Державине» (отце певца). Без сомнения, сосуд этот приложен был в первоначальный храм села Державино, который при постройке нового каменного за ветхостью был сломан. Из церковной утвари главного алтаря замечательны по своей ценности большие сосуды и Евангелие. Державинский иконостас утратил некоторую часть своего достоинства от того, что его по-

крыли лаком дурного качества, который от времени растрескался.

Церковь стоит на крутом берегу реки Кутулук. Здание ее построено весьма прочно и поддерживается рачительно. Храм обнесен каменной оградой, в которой покоится прах О.Я. Шишковой, К.П. Миллера и княгини Муштафиной, урожденной Шишковой.

При этом считаю не лишним заметить, что у нынешних владельцев бывшего державинского имения гг. Миллер имеются и живописные портреты поэта и второй его супруги Дарьи Алексеевны Державиной, присланных самим же поэтом в контору с. Державино; а у г. помещика Миллера есть и собственноручные бумаги его руки, например, «Наказ старосты села Державино» на нескольких десятках листов.

На одном из своих портретов певец изображен сребровласым старцем в красном сенаторском мундире, украшенном знаками милости своей Монархии. Певец Екатерины и сам бывал в своем бузулукском имении, где ныне еще есть старожилы, лично знавшие его и служившие ему».¹

Ивентьев

¹ ОГВ, 1850, № 33.

ЦАРСКИЙ ПОДАРОК

В первом номере «Оренбургской старины» под этой рубрикой давалась небольшая статья о посещении Оренбурга императором Александром I. Написана она была очевидцем этого события оренбургским почтмейстером Ягодкиным. Царский визит в Оренбург неоднократно отражался в наших летописях. Нижеследующая заметка, наиболее поздняя на эту тему, принадлежит члену Оренбургской ученой архивной комиссии, активному корреспонденту местной и центральной периодики П. Юдину.

Император Александр I отличался редкой добротой и был доступен каждому из своего народа, что подтверждается множеством примеров и особенно известным указом, данным 6 января 1819 года на имя министра полиции Вязмитдинова, в котором Государь требовал, чтоб во время его путешествий все, без различия звания, со своими нуждами допускались к нему беспрепятственно.

Часто путешествуя по России, заезжая даже в отдаленные уголки ее, Его Величество многих осчастливливал своими милостями. Рассказов о доброте и ласковом обращении Александра I так много, что некоторые из них уже приняли легендарную окраску; но есть много и таких, которые подтверждаются фак-

тическими данными. Один из последних, как вполне достоверный¹, очень ярко обрисовывает мягкосердечный характер покойного Императора.

Путешествуя в 1824 году по России, Его Величество, между прочим, посетил и Оренбургский край, в то время мало известный и считавшийся весьма отдаленным, и проездом из города Оренбурга, центра военного управления краем, на уральские заводы, осчастливил своим пребыванием Уфу, резиденцию тогдашнего гражданского управления всей обширной Оренбургской губернией. В город этот Император при колокольном звоне и при восторженных кликах народных въехал 16 сентября, в 7 часов вечера, и остановился сначала в доме казачьего полковника атамана Данилы Андреевича Патранина.

Посещение дома Патранина Государем произошло совершенно случайно, неожиданно. Новый деревянный дом атамана, выделявшийся прекрасной наружной отделкой и находившийся на набережной реки Белой, саженьях в полутораста от Белореченской переправы, стоял как раз

на пути следования Его Величества. Переправившись через Белую и проезжая мимо набережной, Государь обратил на него особенное внимание и спросил, кому он принадлежит. Когда ему доложили фамилию хозяина, Его Величество приказал ехать во двор (подъездных крылец у дома не было, и вход был со двора). Обрадованный хозяин, не ожидая такого редкого и высокого посещения, не помня себя от радости, выскочил на крыльцо принять дорогих гостей с низкими поклонами. Данила Андреевич отдал в полное распоряжение свой дом приезжим случайным гостям. Государем и свитой его были заняты передние комнаты: зало, гостиная, кабинет и угловая. Через некоторое время была приготовлена закуска и самовар. Камердинер заварил находившийся у него прекрасный душистый чай, и все были приглашены к столу, в том числе и Патранин. Во время чая Его Величество милостиво разговаривал с хозяином, расспрашивал его о состоянии уфимского края; затем приказал ему представить семью, состоявшую из жены, Пелагеи Степановны, и двух дочерей, Прасковьи и Татьяны, из коих первой тогда было 9 лет, а второй – 12 лет от роду. Государь, беседуя с женой Патранина, расспрашивал об их житье-бытье, ласкал детей и в заключение на прощанье подарил Пелагее Степановне дорогой бриллиантовый перстень, а дочкам – каждой по фермуару, осыпанному бриллиантами, самому же Патранину пожаловал 1000 рублей. Отдавая дочкам фермуары, Его Величество сказал:

– Вот вам, дети, на память обо мне: поминайте меня, когда я умру.

Впоследствии одна из дочерей Патранина вышла замуж за дворянина Ивана Вавилова. Подаренный ей фермуар, как драгоценный памятник, хранится и поныне у внучки ее, Марии Михайловны, дочери Михаила Ивановича Вавилова, секретаря уфимского дворянства (ныне она заму-

жем за дворянином Березовским). Завет царя строго соблюдается: после кончины Императора имя Его Величества было внесено в поминальник рода Патраниных и поминается до настоящего времени ежедневно за упокойной Литургией.

Напившись чаю в доме Патранина и переодевшись в парадную форму, Его Величество поехал на молебен в Смоленский собор, где его уже дожидались все начальствующие лица г. Уфы и епископ Амвросий с синклитом уфимского духовенства, а оттуда отправился на заранее приготовленную ему квартиру в доме гражданского губернатора Нелидова.

Данила Андреевич Патранин, ценя высоко и почитая за особенное счастье посещение своего дома Государем Императором, устроил в гостиной комнате (где Александр Павлович беседовал с ним) перед диваном памятник, заключающийся в том, что в широкой деревянной раме, художественной по тогдашнему времени работы, было выставлено толстое, диаметром около аршина² стекло, на внутренней, покрытой голубою³ краскою, в стороне коего крупными, вроде литографированных, золотыми буквами были обозначены год, месяц и число посещения дома Государем, а также перечислены подаренные вещи и кольцо. После смерти Патранина дом этот по наследству перешел во владение дочери его Татьяне Даниловне и памятник, устроенный отцом ее, сохранялся на том же самом месте до 1857 года, когда в июне во время ночного пожара на Набережной улице дом сгорел, а вместе с ним сгорело и драгоценное стекло...⁴

П. Юдин

¹ Прим. автора: «Рассказ М.И. Вавилова приводим из его письма от 23 декабря 1892 г.».

² 1 аршин – 0,71 м.

³ Прим. автора: «Национальный цвет Оренбургского казачьего войска; в то время станица Уфимская, в которой жили казаки, входила в состав этого войска».

⁴ «Исторический вестник». Птб., 1893, том 52.

ЕЛЬЦЫН В ПЛЕНУ КИРГИЗСКОМ

По страницам архивного документа

1799 год. В Оренбургскую пограничную комиссию поступило «объявление» от бухарского купца Алия Кошаева следующего содержания.

«По бытности моей в отечестве моем, городе Бухарии, в настоящем году по убедительной просьбе выкупил я из тамошнего плену Оренбургской губернии Челябинской округи деревни Верхней государственного крестьянина Ивана Ельцына да деревни Кубаинной крестьянского сына Михайлу Чичкова по учиненному здесь с родственниками их договору суммою обоих за 800 рублей, которые представляю при сем. Помянутую Пограничную комиссию покорнейше прошу приказать за выкуп сказанных пленников Ельцына и Чичкова деньгами из казны меня удовлетворить. Мая 30 дня 1799 года. К сему объявлению сказанной бухарский купец Алия Кошаев тамгу свою приложил такову (круг с чертой через его середину). Со слов толмачил толмач Фейзула Субханкулов».

И. Ельцын и М. Чичков от Пограничной комиссии «запрашиваны были». Рассказы их записаны по форме: «От роду они себе имеют: из них Ельцын 28, а Чичков 14 лет. В осеннее время 1797 года находились они в числе прочих таковых же крестьян в киргизской степи противу Усть-Уйской крепости для рыболовства и отголь нападшими Меньшой орды Джагалбалийского рода киргизцами всего 35 человек со одним неизвестным им по имени и

прозванию крестьянином захвачены в плен и по доставлении ими, киргизцами, в аулы проданы бывшим у них для торгового промысла двум бухарцам, Легифу и Аширбаю, которыми привезены в их местечко, называемое Шагдалою, и во оном вручены жителям: Ельцын – Айназару, а Чичков – Рахиму, а сими уже по неотступной просьбе и по наказу их с родственников для вывоза их в Россию отданы помянутому бухарскому купцу Алию, который в караване чрез Орскую крепость сюда в Оренбург и доставил. Третий же их товарищ остался после их непроданным у похитивших киргизцев. Что все и объявили по справедливости. К сему допросу вместо означенных крестьян Ельцына и Чичкова по просьбе их руку приложил подканцелярист Гаврила Шерунов».

В заключение скажем, что случилось это пленение далекого предка первого российского президента в год рождения А.С. Пушкина. Спустя столетие после добровольного принятия степняками российского подданства, дикие обычаи их еще не вполне изменились. В 1833 году, когда великий поэт приехал в Оренбург «за пугачевщиной», опасность попасть в плен к кочевникам еще существовала, и в хивинском рабстве, как рассказал поэту его приятель оренбургский губернатор Перовский, еще томились сотни русских пленников.¹

¹ ГАОО, фонд 222, оп. 1, дело 32.

«ОРЕНБУРГСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

160 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

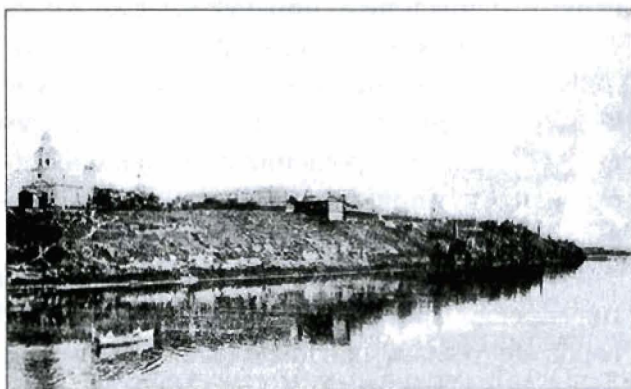
Городские новости

Предписание начальника губернии гражданского губернатора Талызина о наблюдении, чтобы в городах не был распускаем скот по улицам: «Беспрестанно доходят до меня сведения, что в городе Оренбурге шатается рогатый скот по улицам, и полиция вовсе не имеет за всем этим наблюдения, отчего бывают разные происшествия, как ныне случилось в городе Оренбурге с башкирской женой Бибириханой Рахметулиной, которая была спорота на улице неизвестно кому принадлежащим быком. Почему я строжайше подтверждаю полициям о точном соблюдении установленных на этот предмет правил; предваряя, что если на будущее время до меня дойдут подобные сведения, то виновные в том будут подвержены законной ответственности». (ОГВ, 1844, № 3)

Имеют быть проданы в Оренбургской пограничной комиссии 15 будущего июля с аукционного торга четырехместные крытые экипажи, построенные в Санкт-Петербурге для проезда отсюда в Оренбург хивинского посольства; а потому желающие торговаться благоволят прибыть в день торговли в Комиссию, где и цены этим экипажам будут объявлены. (ОГВ, 1844, № 24)

О пожертвовании. В пользу Оренбургского уездного училища сделано пожертвование почетным смотрителем этого училища коллежским асессором Андреем Ивановичем Еникуцевым на исправление классной мебели, на уплату за книги для училищной библиотеки и на выпуск журнала для училищных чиновников журнала «Отечественные записки», всего 62 руб. 12 1/2 коп. (ОГВ, 1849, № 21)

О вызове к торгам. Оренбургская палата государственных имуществ приглашает желающих на содержание статей, следующих к отдаче на оброчное содержание в 1847 году: мельницы – между дач деревень Пронькиной, Моховки, Березовки и крепости Тоцкой на реке Моховке; рыбные ловли – озера в даче Сорочинской крепости по обе стороны реки Самары. (ОГВ, 1844, № 8)

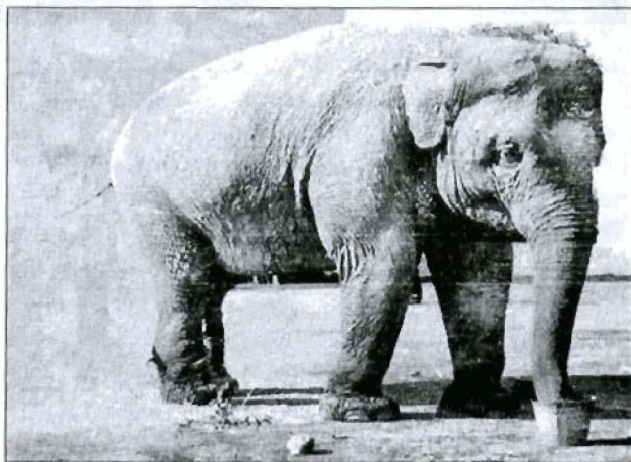

Губернские вести

Сроки для поступления студентов в университет. Г-н директор училищ Оренбургской губернии статский советник Базилев получил ныне предписание г. попечителя Казанского университетского округа о сроке для испытаний желающих поступить в студенты Казанского университета. Просит сделать известным по губернии, что прошения от желающих поступить будут принимаемы только по 15 августа. (ОГВ, 1844, № 31)

Об отправлении за границу. В нынешнем году предполагают отправиться в заграничный город *Иерусалим* для поклонения святым местам бугульминский мещанин Иван Козьмин Жилин и государственные крестьянки Бузулукского округа села Малой Малышевки Акулина Васильева и Авдотья Данилова; в *Турецкую Империю* для поклонения святым местам по магометанскому обряду – крестьянин Белебеевского уезда дер. Ахуновой помещика Тевкелева Мужтазитдин Абдулзелилев. (ОГВ, 1847, № 22)

Наш бузулукский корреспондент г-н Ивлентьев пишет, что в городе Бузулуке 6 июня в 6 часов утра пожаловал неожиданный и редкий гость, а именно, слон-самка, имеющий от роду 6 лет и росту 4 аршина. Путешествие его будет до Санкт-Петербурга. Свиту его составляют 3 бухарца, 5 казаков и чиновник-переводчик Пограничной комиссии. Это домашнее животное есть дар бухарского государя Батырхана. Желая стряхнуть с себя пыль и прохладиться в струях реки Самары, знаменитый путник отправился в воды при закате солнечном. Левый берег реки был усыпан любопытствующими. (ОГВ, 1849, № 22)

Русская жизнь

Государь Император по положению Комитета Министров и согласно удостоверению Святейшего Синода Всемилостивейше соизволил пожаловать церковным старостам... Оренбургской епархии Бузулукского уезда крестьянину Еремею Трифонову установленной серебряной медали на Анненской ленте для ношения на груди или в петлице за отлично-усердную службу и пожертвования их в пользу церквей. (ОГВ, 1847, № 46)

Министр внутренних дел Перовский (*Лев Алексеевич*) подписал проект правил об учреждении при церквях кружек для сбора приношений на содержание нищих и убогих в заведениях приказов Общественного призрения. (ОГВ, 1847, № 13)

Правительствующего Сената поступил приказ от 18 апреля 1847 года о вознаграждении казаков Оренбургского казачьего войска за пахотные и сенокосные земли, отходящие под частные золотопромышленные прииски. (ОГВ, 1847, № 22)

Русское географическое общество изъявляет сим признательность свою тем, которые доставили ему сведения на предложенные им вопросы о климате разных мест России, просит о продолжении наблюдений и в текущем году по разосланным образцам. (ОГВ, 1849, № 17)

Любопытный случай. Санкт-Петербургской губернии села Рождествена у крестьянина была поражена рука антоновым огнем. Призванный полковой медик объявил, что для спасения жизни кроме лишения руки нет никакого средства. Селянин воспротивился, говоря, что крестьянин без руки – не крестьянин, что ожидаемая смерть не страшна, что он совершенно предает себя на волю Божию. И он не обманулся в искреннем доверии своем к Всемогущему Промыслу. На другой день после такого решения больной, распорядившись на дворе с сыновьями около лошадей, почувствовал в руке нестерпимую боль и упал в беспамятстве на теплый навоз. Как скоро теплота от навоза сообщила руке больного, он тотчас получил облегчение. После того начал постоянно обкладывать больную руку этим спасительным пластырем, и чрез несколько дней рука как будто ни в чем не бывала. Этот любопытный случай представляется на рассмотрение господ медиков. (ОГВ, 1844, № 20)

Иностранные известия

Во Франции 29 июня (1844 г.) в одном месте огромная скала оторвалась от горы и раздавила целую ферму. Все семейство и работники погибли. (ОГВ, 1844)

В Ангулеме сделано важное открытие, а именно – состав новой бумаги, в которую не входит тряпье; она готовится из волокон одного весьма водянистого растения.

В Германии в больших заведениях, где много рабочих людей и потому много грязного белья, которое трудно отмывается с большою тратою мыла, собирают всякий птичий кал, разводят его водою и потом вымывают, как обыкновенно. Всякая грязь очень легко отстает после этого.

В Америке изобретен железный винтовой пароход. Недавно делали на нем опыты плавания во льду, и результаты оказались вполне удовлетворительными. Несмотря на толщину льда почти в целый фунт, пароход шел также быстро, как и в чистом пространстве, и разрываемые машиною глыбы льда нисколько не мешали его ходу.

Парижской академии наук один отличный механик представил искусственную руку, которая может служить заменою руки природной и которою можно шить, вышивать, вязать, играть в карты и пр. В наш век решительно не забыта ни одна отрасль промышленности. В прошлом сентябре месяце Гастин Ренет представил Парижской академии наук свои охотничьи ружья. Теперь все рассеянные могут смело охотиться и не бояться взрывов. Заряжай хоть тройным, хоть четвертным зарядом – ружье выдержит. (ОГВ, 1844, № 3)

Средство от крыс. Один помещик в Англии узнал из опыта, что крысы не терпят чеснока. Прежде целые стаи крыс из соседней фермы посещали его огород. Помещик посеял чеснок на границе своего участка земли – и прожорливые гости навсегда оставили его в покое.

О сохранении здоровья чиновников. Известный французский врач Распайль советует всем чиновникам, ведущим сидячий образ жизни, курить камфарную сигару, приправлять кушанья крепкими пряными кореньями, и жевать ваниль, мускатный орех, лавандовый цвет, тмин и т. п. (ОГВ, 1845, № 24)

Всякая всячина

Средство от беспокойства коров при доении. У коров, нетерпеливых во время доения, молоко легко портится. В некоторых хозяйствах связывают их и притягивают плотно к яслям или стойлу, но от сего они делаются еще беспокойнее. А потому всего лучше, намочив полотенце или кусок холста в холодной воде, положить его на крестец коровы, от коего она тотчас успокоится и дастся терпеливо доиться. (ОГВ, 1849, № 25)

Верное средство от мышей. Мыши не терпят крепкого запаха мяты, а потому, чтобы удалить их от зерновых, стоит только воткнуть в нескольких местах пучки мяты или sprыснуть хлеб мятным маслом, и он сохранится в целости. (ОГВ, 1849, № 22)

Сделано недавно открытие, что если живую рыбу положить в снег, то она вмиг уснет, и в этом виде ее можно хранить и везти несколько дней. Прибыв же на место, опустить в холодную воду – рыба отойдет и оживет. (ОГВ, 1844, № 42)

Единственное средство удалить всех врагов цветочных с гряд своих. Вред, наносимый растениям земляными блохами и личинками, до того был велик, что пропадали целые гряды. Это обстоятельство побудило, наконец, искать везде средства и спрашивать каждого о том. Наконец, один совет помог совершенно. Он состоял в следующем: надобно обсадить все рабатки по краям коноплею и каждую неделю один раз поливать растения отваром из конопли. (ОГВ, 1849, № 11)

Поэтические загадки.

В 1-м выпуске «Оренбургской старины» была помещена шарада, сочиненная оренбургским поэтом пушкинского времени П.М. Кудряшевым; ответ – «оковы». Сейчас предлагается много рода стихотворная загадка того же автора – анаграмма, т.е. образование нового слова перестановкой букв.

1. Потоп причиною, что мною
Была покрыта вся земля,
Но с ног прочтите – клеветою
Лишил Сократа жизни я!
2. Я воинов в себе вмещаю,
Перевернуся – вас кусаю!

П-р К-в.

(«Вестник Европы» 1820 г., ч. 112, № 13)

Записки Н.Г. Залесова

(Продолжение)

Глава 3

Оренбург в 1848 году. – Линейные батальоны. – Генералы Толмачев и Обручев. – Первый дебют на службе. – Башкиры и их служба. – Батальонные командиры.

Расположенный на песчаной возвышенной равнине правого берега Урала, совершенно открытой для юго-восточных ветров, Оренбург нестерпим летом по своим жарам, а окружающие его в то время крепостные стены, не допуская надлежащего движения воздуха, делали из города какое-то пекло, в котором зачастую не было возможности дышать.

О соблюдении каких-либо гигиенических правил между жителями и даже в войсках, разумеется, тогда не было помину. Вода находилась далеко, улицы не поливались, дворы и отхожие места своевременно не чистились, а падаль сваливали за крепостью под самыми валами. Казармы были тесны, имели самую первобытную вентиляцию, редко освежались и были полны всевозможными миазмами, так что мы, новички, войдя в первый раз в роту, не знали, куда деваться от зловонного запаха, и только спустя недели две освоились с этим ароматом.

Оренбургские линейные батальоны того времени составляли 22-ю пехотную дивизию и, несмотря на армейское положение, в глазах высшего начальства и местного общества стояли на одинаковой ноге с батальонами гарнизонными, пользуясь наравне с последними значительным пренебрежением. Хорошо помню и теперь, как поразило нас обращение

оренбургских дам в первый же раз, как мы решились явиться в клуб на танцевальный вечер: на нас или вовсе не смотрели, или бросали презрительные взгляды с тем, чтобы сейчас же отвернуться. Мы вынесли это и все-таки решились танцевать, попросив дежурного старшину представить нас дамам. Долго мы бродили по зале, получая только одни отказы, пока не нашлось несколько перерезрелых барышень, которые, вероятно, за неимением других кавалеров согласились танцевать с нами кадрили, но и тут не без злости, так как становясь в круг, они на вопрос своих подруг: «С кем ты танцуешь?» – нисколько не стесняясь, отвечали велух: «С 22-м номером» – и при этом делали самую кислую гримасу.

Нельзя, однако же, строго судить тогдашнее общество: оно само было весьма мало развито, чтобы проникнуться к незнакомому человеку достаточным чувством вежливости; к тому же, большинство линейных офицеров было таково, что действительно порядочные люди могли сторониться его. Так батальоны, в которые мы поступили, имели всех ротных командиров и значительное число младших офицеров из фельдфебелей или из неучей-юнкеров, отличавшихся самыми смутными понятиями общественной жизни; между ними было много людей добрых и по-тогдашнему честных, но

они посвящали большую часть времени на фронтную службу, знание которой, ограничиваясь исключительно уставом, доводилось до величайшего педантизма; свободные же часы проводили или в компании с писарями разных управлений корпуса или в кутежах с женщинами легкого поведения, причем весьма часто попойки кончались дракой. Они имели свой нравственный кодекс, и битье друг друга не вело за собой дуэли, а всегда кончалось мировой. На вопросы наши, отчего не бывают в хорошем обществе, они всегда с сарказмом отвечали: «Куда нам, дуракам, чай пить, это вы уж полезайте в аристократию».

С первого же появления нашего на службе эти офицеры начали говорить нам «ть», а холостые – звать вечером на выпивку. Они же сочли долгом немедленно познакомиться нас с батальонными командирами...

Бригадным командиром был тогда генерал-майор Логин Иванович Федяев – человек невероятной толщины, который в 30-ти градусный мороз ходил не иначе как в одном сюртуке, и ежедневно, не исключая зимы, обливался в холодных сенях ледяной водой. Федяев был добряк, отличался даже в то, известное своим казнокрадством, время безукоризненной честностью, но как бригадный командир не имел почти никакого значения по службе. Он принял нас ласково и, разумеется, говорил нам «ты», так как это местоимение употреблял постоянно даже в разговоре с дамами. От бригадного перешли к дивизионному. После часового ожидания в приемной к нам быстро вышел видный с ястребиным носом генерал в сюртуке нараспашку и, не кланяясь, начал спрашивать по очереди фамилии. Это был генерал-лейтенант Афанасий Емельянович Толмачев. Обойдя всех, он бойким голосом и весьма отрывисто сказал нам:

– Смотрите, служить хорошо!.. Тут пьяниц много, не балуйтесь, в карауле не спать.

В заключение, обратившись к батальонным командирам, сказал им, чтобы нас подтянули хорошенько, повернулся и ушел. Толмачева в дивизии не любили главным образом за то, что он во всех случаях держал сторону батальонных командиров, позволяя им делать что угодно и обращаться с офицерами самым грубым образом.

Из числа таких начальников особо дерзостью, даже в то время, славились командиры: 2-го батальона подполковник Чигирь и 10-го батальона в Уфе подполковник Афанасьев, большие любимцы Толмачева, так что никакая претензия на них не имела в глазах его значения и не получала дальнейшего хода.

Командиром, как тогда называли, отдельно-го Оренбургского корпуса и оренбургским военным губернатором был генерал-от-инфантерии Владимир Афанасьевич Обручев. Среднего роста, подвижный человек, с Георгием на шее, Обручев составил себе репутацию боевого генерала в кампании 1818-1831 гг. в Турции и Польше, а затем, посвятив себя деятельности мирной, в качестве начальника дивизии, прославился как один из самых исправных фронтных командиров, о которых даже современники не без иронии говаривали, что они всякую ошибку во фронте подчиненного считают за личное для себя оскорбление.

Не мое дело здесь оценивать все заслуги, которые оказал Владимир Афанасьевич Обручев Оренбургскому краю особенно по устройству степи; многие из его начинаний принесли прекрасные плоды и до сих пор пользуются благодарною памятью у местных жителей, но эта видная сторона деятельности не может, однако же, заставить меня отказаться от сообщения сведений о некоторых несимпатичных чертах его характера, насколько, конечно, это будет необходимо для ясности и полноты рассказа.

Я не знаю подробно, каков был генерал Обручев прежде; в бытность же в Оренбурге он пользовался репутацией человека честного, но вместе с тем деспотического, мелочного и крайне раздражительного, так что вскоре по его прибытии в город слова «Обручев» и «распеканка» сделались синонимами. Везде, где только ни появлялся генерал как официальное лицо, везде раздавался крик и шла головомойка. Кричал он на ученьях, кричал в кадетском корпусе, кричал в институте, кричал даже на базаре, куда изредка ходил пробовать провизию. Подобное раздражение доходило иногда до смешного: так, присутствуя раз на параде, которые летом назначались на городской площади по воскресеньям и собирали массу народа, Обручев заме-

тил в числе зрителей окружного начальника государственных имуществ и, вспомнив, что в одном месте уезда проезжал по дурной дороге, обрушился на этого чиновника.

— Я тебя выгоню вон, сослать велю! — закричал генерал в иступлении.

Он так озадачил беднягу, что последний, не понимая сделанного нападения, испугался и начал прятаться в народ, а Обручев — за ним, пока не прижал, наконец, к какому-то препятствию и тут только, разразясь опять криком, высказал, что распекает за неисправность дорог. Народ хохотал, любясь такою гонкой, а несчастного чиновника даже вечером того дня, когда я его видел, трясла лихорадка, причем оказалось, что нагоняй он получил зря, взамен исправника.

Физиономия Обручева отличалась тем, что она всегда имела самое разобиженное выражение: нередко к нему являлись люди, только что прибывшие в край, и те, выходя от него, задавали своим знакомым вопрос:

— Скажите, пожалуйста, чем мы могли обидеть генерала, что он встретил нас с таким лицом?

Замечательно, что такое же выражение физиономия Владимира Афанасьевича выражала даже в церкви, во время службы, при поклонах священников, как будто и тут он готов был распечь их за какую-нибудь неисправность. Были, однако же, минуты, когда и на этом суровом лице появлялось что-то в виде ласки — это именно на тех, более чем скромных, вечерах, которые Обручев иногда устраивал у себя дома. Тогда он выглядел как-то добрее особенно, когда он говорил с дамами или ласкал своих детей, но и тут подобные изменения были мгновенны, и лицо его тотчас же принимало всем знакомое выражение.

Вступив в управление краем после генерал-адъютанта Василия Алексеевича Перовского, этой в полном смысле слова широкой славянской природы, со всеми ее достоинствами и недостатками, Обручев, как это часто бывает на Руси, отнесся с большим предубеждением к тому, что было сделано его предшественником, поэтому тотчас же началась в крае перетасовка чинов, отмена разных распоряжений, проектированных Перовским, и строгая критика того, чего нельзя уже было изменить.

Самое главное, чем прежде всего задался Владимир Афанасьевич, это сокращением во что бы то ни стало расходов казны по краю,

но, приступив к нему без полного знакомства с местными потребностями, он достиг успешного результата лишь в мелочах. Будучи сам скупым до крайности, он хотел, казалось, привить то же качество и к служащим в крае и причить их к умеренной жизни, а потому совсем прекратить выдачу производившихся из экстраординарных сумм пособий особенно достойным офицерам и чиновникам и сократил отпуск в

долг казенного леса на постройку недостаточных людей. По ходатайству его был раскассирован прекрасный Уфимский казачий полк, который мог быть так полезен для всех последующих наших походов в степи и развития строевого образования среди уральских и оренбургских казаков, для чего впоследствии выписывались из армии кавалерийские офицеры. Значительные башкирские суммы, состоявшие в распоряжении оренбургского губернатора, и на которые можно было много сделать полезного для башкир, были представлены в государственное казначейство...

Н.А. Обручев

После представления начальству я поселился вблизи казарм N-го батальона в квартире сестры моей, а затем стал нести действительную службу, открыв ее весьма тяжелым дебютом.

В первом же вечернем приказе по батальону, который принесли мне, значилось, что моя рота назначается на следующий день для производства за казармами экзекуции, для чего ей надлежало быть на месте в 5 часов утра...

Кроме экзекуций, назначения через 2-3 суток в городские караулы, парадов и разводов, которые до страсти любил Обручев, и других нарядов на службу, мы ходили еще ежедневно по два раза на ученья: утром от 6 до 9, а вечером от 6 до 8 часов.

Офицерских караулов в то время содержалось в Оренбурге четыре: 1) на главной гауптвахте, помещавшейся на площади в подвальном этаже здания 2-го эскадрона Неплюевского кадетского корпуса, 2) при городском тюремном замке, 3) при Сакмарских воротах крепости, чрез которые проходил Петербургский тракт и 4) на Меновом дворе (только летом) в 1½ верстах от города. Во всех других местах стояли посты унтер-офицерские. Караульные комнаты были низки, грязны, и в каждой помещалось несколько арестованных офицеров, которые большею частью судились за проступок, дающий всегда немаловажный процент для наших военных судов – промотание казенных денег. Горе было возиться с этими господами: рассчитывая на нашу неопытность, они постоянно пьянствовали и позволяли себе такие бесчинства, что другой раз у нас лопалось терпение, и мы приказывали связывать их и держать в кроватях, пока не проснутся. Тяжело было также при 30-40 градусах летнего жара в Оренбурге стоять на карауле, затянутым в тогдашний мундир с высоким воротником, имея на голове массивную каску с застегнутыми чешуями. О кителях, снимании галстука, белой фуражке, как это теперь допускается в жарких местах, тогда и помину не было. Даже вне службы ходили не иначе, как в сюртуках и касках...

Ко всему этому на главной гауптвахте и Сакмарском выезде присоединялось непрерывное писание рапортчиков о приехавших и выехавших из крепости и выбегание на плат-

форму для отдания чести не только чинам комендантского правления и ближайшим начальникам, но и всем генералам. За одну опозданную минуту даже в выскакивании людей, особенно же в команде «Слушай на караул!» – следовала от всех и каждого головомойка и часто арест. Особенно нам был тяжел комендант Лифлянд, имевший тройку рысаков. Поднесется, бывало, к караулу из-за угла во всю прыть, проделать церемонию не успеешь, ну, и под арест. Только и был отдых, когда принесут обед или чай, и велишь снять барабан с платформы, но и тут сейчас явится дежурный по караулам или плац-адъютант узнать, не спит ли офицер.

Кроме караулов нас истомляли еще непрерывные парады и разводы, до которых, как сказано, корпусной командир был великий охотник. Не говоря о воскресных и праздничных днях, Обручев придирался к каждому обыкновенному празднику, например, взятие Парижа русскими, день Полтавской битвы, престольный праздник военно-учебных заведений и т. п., чтобы назначить развод или парад, а это в свою очередь вело к муке нашей репетициями, чтобы достойным образом предстать на такую церемонию. Особенное внимание обращалось на равнение и салютовку, которые служили истинным наслаждением для корпусного командира... Людей при тогдашней стойке заставляли выпячивать всеми мерами грудь вперед, а груди старались вытянуть в одну совершенно прямую линию. Выравнивание шло, бывало, часа полтора до приезда главного начальника, и Боже сохрани потерять его; возмездие за это следовало известное: кулак в зубы и палка в спину.

Генерал Обручев обыкновенно приезжал на парады в казачьей форме, которую очень любил. Еще чуть покажется вдали его экипаж, как махальные на площади, или зимой у дверей манежа, закричат во все горло: «Корпусной командир изволит еха-а-ать». Все вздрогнет в строю, лица батальонных командиров вытянутся, побледнеют, и разом водворится такая гробовая тишина, что стоишь, бывало, вдалеке, а слышишь, как хрустит в манеже песок под ногами какого-нибудь повертывающегося генерала. Вот раздалась команда «на ка-

раул», грянула музыка, и корпусной командир, выслушав рапорт и поздравовавшись с людьми, идет по рядам. Выражение его лица по обыкновению разобиженное; он грозно смотрит по линии равнения, на солдат, их стойку; следующего сзади него батальонного командира пробирает дрожь, и даже сам начальник дивизии, идущий около Обручева, держа руку под козырек, начинает семенить ногами и обдергиваться. Словом, все ждут чего-то, и притом страшного. Но обход окончен – все обошлось благополучно, повели являться офицеров. Подошел первый: молнией блеснула в руках его сабля, плавно, ровно скользнула в самый разрез плеча и мгновенно легла плашмя к носку левой ноги; офицер отрапортовал, также ловко взял саблю в плечо, повернулся направо и, сделав выдержку, замаршировал в сторону. Лицо Обручева просветлело; он взглянул на начальника дивизии, и что-то вроде улыбки мелькнуло на его губах. Начальник дивизии с снимающей физиономией низко поклонился, бригадный вздохнул всею грудью, а батальонный позволил себе даже улыбнуться... Дело, значит, хорошо. Пошли построения, маршировки, тихим, потом скорым шагом, пошли на «ура!». Сошло все, и затем все довольные разошлись по домам.

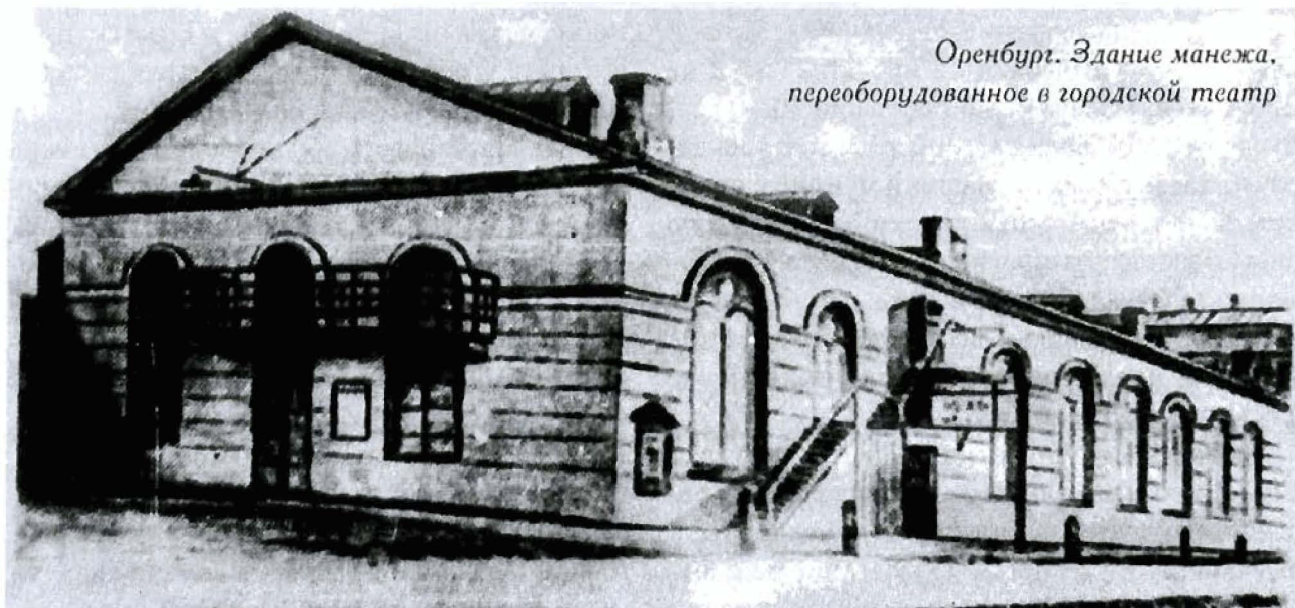
Но такие светлые дни бывали не часто; не понравится салютовка, равнение или шаг – тогда сквозь землю: крик и гвалт пойдут на весь плац – и конец концов: офицеры засажены на гауптвахту, батальонный выбранен елико воз-

можно, а бригадный и дивизионный стоят красные, как раки, держа руку у шляпы и слушающая, как он с пеною у рта кричит на них:

– Ваше превосходительство, так служить нельзя. Это не солдаты, а бараны, я не могу смотреть за всем, так служить нельзя...

Независимо от других нарядов нас, молодых офицеров, постоянно назначали визитир-рундами для поверки караулов. Летом еще было туда-сюда: проходишь всю ночь, распишешься в постовых книгах, и только; но зимою, в страшные оренбургские бураны, такое назначение было чистою бедою: своих лошадей не было, а об извозчиках тогда в Оренбурге никто и не слышал, поэтому приходилось пробираться везде пешком. На улицах ни души, ни огня, в двух шагах ничего не видно, и только молишь Бога, как бы не заплутаться и не замерзнуть, особенно идя в госпиталь, стоявший в степи в полуверсте от крепости.¹

Ученья, как я говорил, производились два раза в день; иногда на них присутствовал бригадный командир, не вступаясь, впрочем, ни во что. На ученьях постоянно шли крик и драка, особых дисциплинарных правил тогда не было, а потому не было и той градации наказаний, какая установилась впоследствии. Дело взыскания велось проще; сначала следовала непечатная брань, затем тычки в лицо, в спину, в бок и пр., потом битье по физике и, наконец, розги или палки и держание на часах под ружьем в ранце, набитом песком. В первое время мы практиковались поротно: проделы-

Оренбург. Здание манежа, переоборудованное в городской театр

вали ружейные приемы, ломку фронта, застрельщицье учение, но главным образом налегало на церемониальный марш.

Ротный мой командир бранился довольно изрядно, но, конечно, ему далеко было до известного тогда в оренбургских войсках одного капитана полевой артиллерии, командовавшего казачьей батареею, которого многие ставили себе за образец и всеми мерами старались подражать ему. Казачья батарея стояла в тот год лагерем под Оренбургом, и я знаю, что некоторые из офицеров нарочно ездили туда на ученья, чтобы только хоть раз послушать, как распекают казаков. Капитан, действительно, был артист в своем роде; он бранился такими непозволительными словами, которые, конечно, не раздавались ни в одном из самых развращенных кабаков в России...

В мае месяце начались батальонные учения; наш командир, майор Лепехин бранился скороговоркой, но при этом страшно брызгал слюнями. Главным предметом учений были ломки фронта, причем употреблялись такие сложные формы построения, каких даже не было в уставе, а затем церемониальный марш. Майор большею частью расправлялся собственноручно, не прибегая к палкам; то и дело раздавались удары по чьей-либо физике, не исключая и унтер-офицеров и фельдфебелей. Офицеров Лепехин бранил мало, может быть, по совершенному недостатку дара слова, зато беспрерывно сажал на гауптвахту, крича при этом: «Поручик или прапорщик такой-то пошел-те под арест». Но, если так сравнительно мирно шли ученья в третьем батальоне, то не то было во втором, где независимо биться нижних чинов, подполковник Чигирь несколько не стеснялся и с офицерами. Как теперь помню, у него в батальоне младшим штаб-офицером был майор Иван Макарович Фофанов, человек простой и малообразованный; редкое учение не проходило, чтобы в числе прочих Чигирь не разругал перед фронтом своего помощника, говоря ему: «Эх, майорина, майорина, как тебе не стыдно», а когда Фофанов решался иногда возражать, то он прямо кричал ему: «Молчать, Иван-дурак, Макару-дурак и Фофанов-дурак, так тебе и нечего говорить». Самою легкою бранью у Чи-

гиря считалось, когда он говорил офицеру: «Ну, куда ты завел свой взвод, поди, брат, лучше утопись в Урале, чем так срамиться»...

Такое обращение не возбуждало, однако, протеста, ибо все офицеры служили из куска хлеба, и жаловаться начальству было бессмысленно, а как тогдашние законы не ограждали вполне право офицеров, то, понятно, при таких условиях и нравственный уровень их должен был понизиться и действительно дошел у многих чуть не до нуля.

К весне общественные развлечения, состоявшие из танцевальных вечеров в клубе и собраний в частных домах, прекратились, а летних увеселений не было. Театр тогда вовсе не существовал, Каравансарайского сада не было и в помине, а на берегу Урала, где в последнее время, говорят, устроен бульвар, валили со всего города навоз, дохлых кошек и собак, как раз перед окнами дома, занимавшегося Обручевым, и в промежутке двух соборов, зимнего и летнего. Изредка, в царские дни, посылались военная музыка в Зауральную рощу, грязную и вонючую, и тогда туда шел весь город, направляясь по пешеходному мостику, наводимому через реку перед губернаторским домом.²

¹ Из примечаний Залесова: В летнюю пору при Перовском за недостатком регулярных войск второстепенные караулы занимались башкирами, про которых у старых офицеров сохранилось множество рассказов, в том числе относительно приема рунда, к которому тогда назначались от караула до караула ефрейтор и два рядовых в прикрытии. Для характеристики совершенно несвойственной башкирам гарнизонной службы привожу один из этих рассказов. При подходе ночью рунда (из башкир же) к платформе караула между рундом и часовым обыкновенно завязывался следующий разговор:

Часовой: Ким кия (кто идет)?

Рунд: Рунд кия (рунд идет).

Часовой: Кайсы рунд (какой рунд)?

Рунд: Зор рунд (большой рунд).

Часовой: Рунд тохта (рунд стой). Караульный турсигис. Шарыпка или Ахметка (ефрейтор) вперед, два коронный люда вперед (караульные, проснитесь, ефрейтор, вперед, два фланговых человека вперед). Когда же рунд входил на платформу, то часовой отдавал ему честь саблей в два приема, приговаривая: на тебе, вот тебе, гуляй (проходи) дальше – и, спокойно затянув унылую свою песню, начинал рассказывать по платформе.

² Русская старина. СПб., 1903, том 114, № 4.

Государственное учреждение дополнительного образования детей «Областной центр детско-юношеского туризма и краеведения»

2006

ВЕСТИ

2006

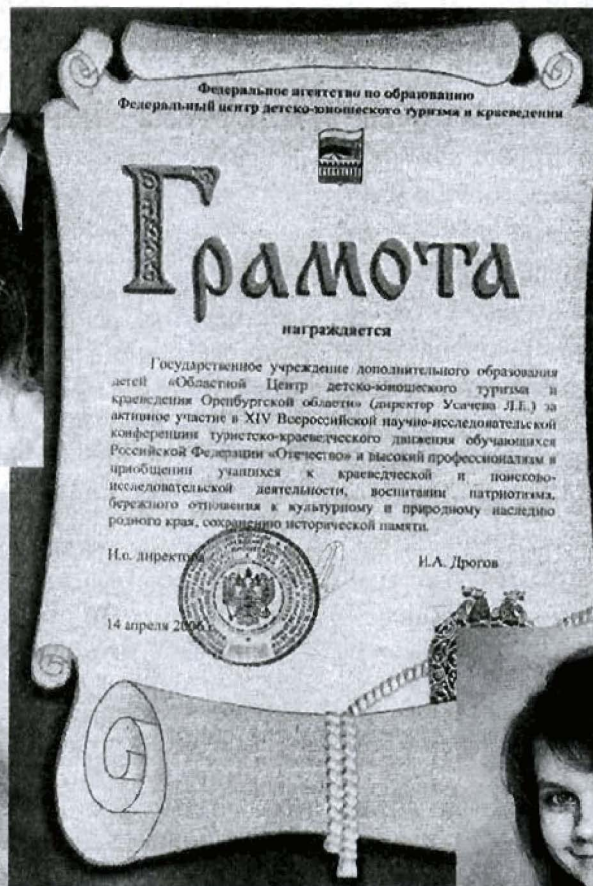
• С 4 по 6 февраля 2006 года в Оренбурге на базе оздоровительного лагеря «Энергетик» прошел финал VII областного конкурса исследовательских краеведческих работ участников туристско-краеведческого движения «Отечество. Растим патриотов», посвященного 100-летию со дня рождения Героя Советского Союза поэта Мусы Джалиля. На конкурс была представлена 171 работа из 37 территорий области. Работы победителей финала

были направлены в Москву для участия в третьем этапе XIV Всероссийского конкурса исследовательских краеведческих работ участников движения «Отечество». Оренбургские краеведы за успехи в исследовательской деятельности, знании истории, культуры и природы своего края награждены дипломами I степени: Сергей Трофимов – гимназия № 4, секция «Военная история»; Валерия Гайнутдинова, гимн. № 2, секц. «Родословие.

Екатерина
Джиадзе

Сергей Трофимов

Валерия
Гайнутдинова

Варвара Нефедова

Николай
Лищенко

Земляки»; Евгений Филиппов – гимн. № 6, секц. «Природное наследие»; Максим Дегтярев – СОШ № 1, секц. «Археология» (все из Оренбурга); Сергей Комисарчук – п. Акбулак, лицей-интернат, секц. «Военная история»; Варвара Нефедова – с. Октябрьское, СОШ, секц. «История образования»; Эльвира Фархутдинова – п. Тюльган, СОШ №1, секц. «Природное наследие»; дипломами II ст.: Андрей Коломийцев – п. Акбулак, лицей-интернат, секц. «Археология»; Екатерина Тягина – п. Тюльган, секц. «Природное наследие»; дипломами III ст.: Елизавета Деркач – с. Плешаново, СОШ № 1, секц. «Родословие. Земляки»; Екатерина Джиадзе – с. Октябрьское, СОШ, секц. «История образования»; Светлана Корнилова – поселок Тюльган, секц. «Литературное наследие»; Николай Лищенко – г. Абдулино, гимназия № 1, секц. «Культурное наследие».

• 28 марта в г. Соль-Илецке проведен областной семинар-совещание по теме «Организация поисковой и музейной работы в образовательных учреждениях». Хозяева представили значительный теоретический, обзорный и практический материал по направлениям: Пост № 1, краеведческо-этнографическое, -диагностическое, -спортивное. Все участники семинара получили пакеты методических материалов краеведческой направленности, подготовленных сотрудниками ОЦДЮТурК, организатора и координатора деятельности образователь-

ных учреждений по патриотическому воспитанию в области.

• 24 апреля в с. Октябрьское прошла районная конференция старшеклассников на тему «Российский патриотизм. Истоки, современность, проблемы возрождения и развития».

Школьники рассказали о различных формах организации мероприятий патриотической направленности: в Марьевской средней школе действует объединение «Военно-прикладное многоборье», во второй Иммангуловской – этнографии родного края и т.д.

• 4 мая на базе педколледжа № 2 прошла областная встреча ветеранов Великой Отечественной войны и тружеников тыла с учащейся молодежью под девизом «Во славу Великой Победы!». Во встрече с ветера-

нами приняли участие лучшие поисково-исследовательские объединения, клубы и группы области: «Наследие» Дворца пионеров и школьников г. Орска, «Истоки» СОШ № 4 г. Соль-Илецка; «Искатели» Советской СОШ Акбулакского района, «Поиск» Саринской СОШ Кувандыкского района и СОШ № 2 Шарлыкского р-на, а также активисты оренбургских школьных музеев (№№ 12, 18, 25, лицей № 3). С приветственным словом к ветеранам обратился министр образования Оренбургской области Александр Вячеславович Ковалев. Ветераны поблагодарили молодежь за внимание.

*Л.Е. Усачева,
директор ОЦДЮТурК*

УСАДЬБА

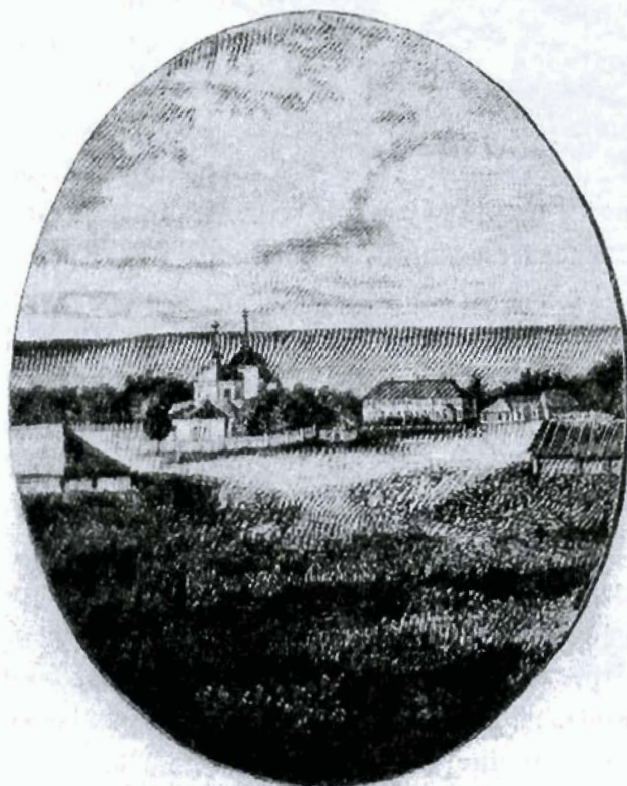
вчера, сегодня, завтра...

Село Ташиа Тюльганского р-на. Усадьба Тимашевых
(фото А.А.Тимашева нач. XX в.)

В Оренбургской губернии, отдаленной от центра, к тому же расположенной в зоне резко-континентального климата и вследствие этого – рискованного земледелия, было сравнительно с центральными губерниями, даже в середине XIX века, гораздо меньше помещиков, несмотря на обширность земельных угодий. Вернее сказать, потому и было у них много земли, что желающих обустроить

поместья в азиатской тмутаракани было немного, слишком издалека приходилось «переводить» сюда крестьян. Тем большее удивление вызывает тот исторический факт, что в этом дальнем пограничном российском крае было аж несколько старинных дворянских усадеб, освященных именами выдающихся писателей (по счастью, еще существующих на картах области). Среди них – Аксаково, Державино, Михайловское и Полибино (Карамзинных), Рычково и рычковская Савруша, расположенная напротив Аксакова по другую сторону северного шоссе, рядом с ними Осоргино. К этим «литературным» усадьбам по близости нахождения тяготеет село Языково, которое хоть и числится в Самарской области, но расположено в ближайшем соседстве с державинской деревней Феклинка. Список заповедных памятных мест нашего края значительно пополняют старинные дворянские усадьбы помещиков-пионеров (в основном военных), основавших еще в XVIII веке свои оренбургские родовые гнезда и, разумеется, деревни и села, крестьяне которых кормили хлебом жителей вновь заведенных городов. К таковым относились усадьбы в селах Никольское и Гнездовка Сакарского района, Спасское, Петровское, Старый Сокулак и Андреевка Саракташского р-на, Ташила и Тугустемир Тюльганского р-на и др. Дворянские гнезда, некогда украшавшие села и деревни своими усадебными домами и парками, снесены революционным ураганом вместе с ве-

Село Аксаково Бугурусланского р-на.
Барская усадьба

ликолетними храмами, построенными первыми оренбургскими помещиками. Где-то еще доживают остатки барских особняков, превращающиеся в историческую пыль; бывшие роскошные парки и посадки вырубаются, зарастают дикой порослью, вытаптываются людьми и скотом; зияют ранами заброшенные церкви великолепной архитектуры. А какая богатая историческая информация могла бы сопровождать экскурсионные маршруты по местам культурно-исторических заповедностей! Несмотря на резкий поворот государственной политики в сторону реанимации обмирающей исторической памяти, к сожалению, государство наше еще слишком бедно для реализации планов восстановления памятников старины (слишком велик список утрачиваемого), а время действует безжалостно разрушительно и чем дальше, тем безжалостнее, быстрее. Созидательные дела такого рода пока движутся только энергией, трудом энтузиастов, первым из которых в наше время можно назвать светлой памяти Надежду Николаевну Карюкину, истинного подвижника в деле восстановления и сохранения усадьбы Сергея Тимофеевича Аксакова в родовом его имении Аксаково в Бугурусланском районе, ради этого сменившей жительство в городе на дальнее село.

Село Полибино Бугурусланского р-на.
Усадьба Карамзиных

Село Андреевка Саракташского р-на.
Усадьба Крашенинниковых-Циолковских
(рис. из письма В.И. Даля, 1830-е гг.)

Село Тугустемир Тюльганского района.
Усадьба Шотт (фото С. Плаксина, 2003 г.)

Ташла. Усадьба Тимашевых, 1930-е годы (фото П.А. Акулышина)

На вопрос: «Что сохранилось от бывших старинных усадеб?» – отвечает «Кадастр объектов оренбургского природного наследия»¹ по пунктам таблицы: 1. Краткая характеристика. 2. Местонахождение и землепользователь. 3. Площадь (га). 4. Тип памятника.

Бугурусланский район

Аксаковский парк.

1. Остатки древесно-кустарниковых конца XVIII – начала XIX столетия. Липовая аллея. Несколько суховершинных двухсотлетних сосен. Парк реконструирован в 1981-1990 гг. Парк расположен на усадьбе писателя С.Т. Аксакова.

2. Западная окраина с. Аксаково. АО «Родина».

3. 3 га.

4. Ландшафтно-исторический.

Лесопарк в усадьбе А.Н. Карамзина.

1. Остатки парка в разрушенной усадьбе А.Н. Карамзина. Насаждения из сосны обыкновенной XIX века.

2. На западной окраине села Полибино. АО «Мирное».

3. 2,6 га.

4. Лесокультурный, культурно-исторический.

Лесопосадки А.Н. Карамзина.

1. Образец лесокультурных насаждений из ели, сосны обыкновенной, дуба, липы, клена остролистного, березы, вяза гладкого, тополя черного, из кустарников – акация желтая.

2. В 0,5 км на юго-запад от с. Полибино. АО «Мирное».

3. 47 га.

4. Лесокультурный.

Лесопарк в с. Бестужевка.

1. Остатки парка в разрушенной усадьбе. Насаждения сосны обыкновенной, березы.

2. На юго-западной окраине с. Бестужевка. АО «Ленинский путь».

3. 3 га.

4. Лесокультурный.

Лесопосадки А.Н. Карамзина на Белом хуторе.

1. Лесокультурные насаждения А.Н. Карамзина конца XVIII века в верховьях оврага Белохуторский.

2. На месте бывшего с. Белый хутор, 7 км на юго-юго-запад от с. Полибино. АО «Мирное».

3. 39 га.

4. Лесокультурный.

Урочище Пополудово.

1. Бывшая усадьба помещика Пополудова. Пруд и сад в широкой ложбине-истоке р. Козловки. Мощный родник. Остатки сада с соснами.

2. В 3 км на юго-юго-восток от с. Красный Пахарь, в верховьях р. Козловки. АО им. Ильича.

3. 34 га.

4. Ландшафтно-исторический.

Саракташский район

Лесопарк Мансуровых-Эверсман.

1. Семь сосен, посаженных в конце XVIII века. С тех времен сохранились также заросли сирени. Рядом с бывшей усадьбой – дубрава, богатое луговое разнотравье. Остатки лесопарка, посаженного в начале XIX века вблизи собора: 5 лиственниц, 7 сосен.

2. Окраина села Спасское. Колхоз «Россия».

3. 1 га.

4. Лесокультурный, культурно-исторический.

Лесопарк усадьбы Крашенинниковых-Цюлковских.

1. Остатки лесопарка усадьбы Крашенинниковых-Цюлковских, заложенного в конце XIX века. Сохранилось четыре лиственницы.

2. У церкви, южная окраина села Андреевка.

3. 0,25 га.

4. Лесокультурный, культурно-исторический.

Кочевка Перовского.

1. Степные дубравы в верховьях речки Белгушка. В середине XIX века здесь находилась охотничья кочевка оренбургского губернатора В.А. Перовского, описанная А.К. Толстым.

2. В 4 км к юго-востоку от села Богословка. Саракташское лесничество, кв. 57. Саракташский лесхоз.

3. 10,0 га.

4. Ландшафтно-ботанический, культурно-исторический.

Северный район

Рычковский парк.

1. Лесокультурные насаждения паркового типа сер. – второй пол. XIX века на усадьбе потомков П.И. Рычкова (основана детьми сына П.И. Рычкова, Андрея). Уникальная еловая аллея (ок. 120 экз.). Тополь черный и белый, вяз гладкий, единично сосна, дуб, липа мелколистная, клен остролистный. Вдоль границы парка заросли барбариса, черемухи, сирени. Остатки фонтана и беседки. Разрушенный барский дом.

2. На окраине с. Рычковка. АО «Красная Долина».

4. Лесокультурный, культурно-исторический.

Белый ключ, близ усадьбы помещика Осоргина.

1. Родник, бьющий со склона лесистой горы. Оборудован водоводом из деревянной трубы (из лиственницы), сооруженным в конце XIX века.

2. В 0,5 км к юго-востоку от с. Рычковка, близ усадьбы помещика Осоргина. АО «Красная Долина».

4. Гидрогеологический, культурно-исторический.

Тюльганский район

Алмалинский лесопарк Тимашевых.

1. Искусственные насаждения лиственницы и сосны сер. XIX века. Имеет учебно-просветительское и историческое значение.

2. Западная окраина села Алмала, у школы. АО «Нива».

3. 0,5 га.

4. Лесокультурный.

Ташлинский парк Тимашевых.

1. Остатки парка и сада в разрушенной усадьбе. Посадки лесокультурных и кустарниковых насаждений конца XVIII-XIX вв. Научный и учебно-просветительский интерес представляет успешная интродукция барбариса, магонии и ряда древесно-кустарниковых.

2. Северная окраина с. Ташла. Ташлинская сельская администрация.

3. 2 га.

4. Лесокультурный, культурно-исторический.

Тугустемирская сосновая аллея.

1. Насаждения нач. XIX века в с. Тугустемир на бывшей помещичьей усадьбе Никифоровых (потом Шоттов).

2. Северная окраина села Тугустемир. ПХ «Металлург».

3. 2,4 га.

4. Лесокультурный.

¹ Зеленая книга Оренбургской области. Под науч. ред. А.А. Чибилева. – Оренбург, 1996.

Село Александровка Грачевского района. Усадьба Стобеуса (фото С. Плаксина, 2005 г.)

Так уж сложилось в нашей нынешней истории, что при общей бедности государства в стране появилось немало состоятельных граждан. Среди них начинает выделяться тип людей, в которых вызревает понятие, что войти в историю, остаться в вечной памяти своего народа можно не суммой капитала, а только общественно значимым благотворительным делом. Восстановление памятников истории края – самая благодатная, благодарная и благородная почва для таких деяний, вечно заслуживающих уважение сограждан, а главное – богоугод-

Крестным ходом к месту закладки новой церкви

Ю.П. Бельков

Ктитор новой церкви
Анатолий Сергеевич Савинов с сыном

Молебен на месте разрушенной
Покровской церкви

Благочинный округа, прот. Николай
Стремский и А.С. Савинов

ное дело, ведь «не хлебом единым жив человек». Появляются уже и примеры реальных восстановительных дел. Одним из первых в этом ряду стала деятельность Юрия Петровича Белькова, директора ТК «Славянский базар», взявшегося за восстановление разрушенного и заброшенного усадебного комплекса, в прошлом крупнейшего, красивейшего и самого известного в истории края имения Тимашевых в селе Ташла Тюльганского района. Здесь уже приступили к восстановлению правого крыла, единственной сохранившейся небольшой части полностью разрушенного великолепного двухэтажного каменного дворца с бельведером. Заброшенный, заросший парк с аллеями (первый в крае культурный парк английского типа) очищен, огорожен и охраняется от скота. Сюда уже вернулись утраченные культуры – высажено около 200 каштанов, запестрели цветами клумбы, расчищены островки интродукции магонии, «представляющей научный и учебно-просветительский интерес» и пр.

Священник Андрей Чичев и глава сельской администрации Н.И. Мухин

Прот. Николай Стремский и председатель общества «Возрождение Ташлы» Н.И. Даньшов

Ташла. Новый храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы

Кроме того, благотворительная деятельность оренбургского предпринимателя нашла здесь применение и в активном участии в ежегодных областных Пушкинских праздниках, второе десятилетие проводимых в тимашевской усадьбе по инициативе местной администрации (Н.И. Мухин) и культурно-просветительского общества «Возрождение Ташлы» (Н.И. Даньшов). Восстановление даже таких грандиозных по масштабам строений и исторической значимости памятников, возвращение их в культурный оборот вполне возможно при совместных действиях сельской, районной и областной власти, при необходимой и соответствующей их поддержке. Редакция же берет на себя обещание сообщать читателям о ходе восстановительных работ, их успехах и проблемах. Пожелаем всем прикосновенным к этой благородной задаче лицам успехов!

Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный...

Традиция проведения Пушкинских праздников в селе Ташла Тюльганского района получила свое начало в конце прошлого века. С 1995 года ежегодно в один из июньских дней в парке старинного села открывается вечерними субботними посиделками чествование дня рождения великого поэта.

Чудное место приготовила оренбургская история этому торжеству. Александру Сергеевичу Пушкину, приезжавшему в Оренбург в 1833 году «за пугачевщиной», не довелось за недостатком времени побывать в

Артисты Оренбургской филармонии Елена и Александр Шабунио (Засл. артист России)

Поэт В.Н. Кузнецов

На вечерних пушкинских посиделках в парке Тимашевых

имени его знакомых – Тимашевых. Знакомы же они ему были издавна – и дальним родством по жене, и по архивным документам пугачевского времени, и дружескими отношениями с некоторыми членами семейства Тимашевых. В каждой из этих сторон много интересных моментов. Подчеркнем сейчас только один из них – личные взаимные поэтические обращения Пушкина и владелицы тимашевского имения того времени – Катерины Александровны Тимашевой, всю

Ю.П. Бельков

свою долгую жизнь время от времени бравшейся за перо, чтобы вписать в свой альбом очередное стихотворение. Александр Сергеевич видел ее альбом, читал плоды ее домашнего стихотворчества. Замечательный факт ныне стал общеизвестным, исследовался многими именитыми пушкинистами. Десятки статей в ученых сборниках посвящены этому лирическому стихотворению поэта и его адресату. Так что проведение Пушкин-

Исполнитель авторской песни Г.П. Шиндяев

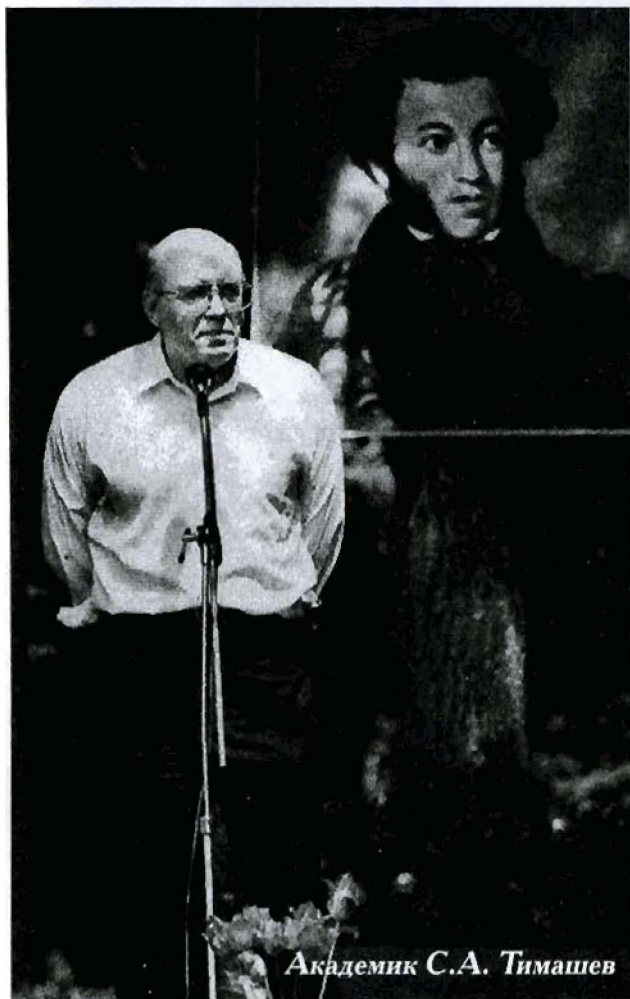
ских праздников в тимашевском парке, именно под его сенью, некогда укрывавшей добрых знакомых величайшего из поэтов, – посильная дань нашего уважения к творчеству русского гения.

Помня все это, организаторы праздников в программе их проведения особое место уделяют поэтической стороне, литературному и музыкальному наследию пушкинского времени – золотого века русской культуры.

С полным пониманием к проведению праздников именно в тимашевской усадьбе относится взявшийся за реставрацию оставшегося фрагмента некогда огромного великолепного дворца Юрий Петрович Бельков. Охотно, с пониманием и присущим ему энтузиазмом включился он и в подготовку к праздникам, и в само их проведение вкладом личной инициативы и материальной поддержки, что вполне, без ревности, оценили члены Пушкинского оргкомитета, состоящего из представителей областной, районной и сельской администрации.

Академик С.А. Тимашев

Н.И. Данишов вручает подарок поэту Г.Ф. Коняхину

Участники традиционных Пушкинских праздников в парке Тимашевых в селе Гацла Дольбанского района

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬ

Благотворитель—делающий добро
другим, помогающий бедным.
В.И. Даль «Толковый словарь»

Обширно поле благотворительной
деятельности директора ТК «Славянский
базар» Юрия Петровича Белькова.

На открытии сквера памяти
Владыки Леонтия

С лидером политической партии «Жизнь»
С. Мироновым

С известным кинорежиссером С. Говорухиным
накануне съемок фильма «Не хлебом единым»

Чествование юбилея поэтессы
Н. Кожевниковой

Традиционно угощением завершаются Пушкинские праздники в тимашевском парке
(с. Ташла Тюльганского района)

